

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ
МАРИНА БОЙКОВА-ГАЛЬЯНИ
ЛЮДМИЛА ЛАПИНА

Самая короткая ночь

ЭССЕ, СТАТЬИ, РАССКАЗЫ

**Андрей Буровский
Людмила Лапина
Марина Бойкова-Гальяни
Самая короткая ночь.
Эссе, статьи, рассказы**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22969745
ISBN 9785448375347*

Аннотация

В настоящий сборник вошли статьи, эссе и рассказы трёх авторов: Андрей Буровский – археолог, философ, писатель; Марина Бойкова-Гальяни – поэтесса, прозаик; Людмила Лапина – краевед, писательница.

Содержание

Андрей Буровский	7
Из цикла «Большая Речка»	7
Большая речка и вокруг. феномен Большой Речки	7
Большая Речка и капитализм	9
Беседка	14
Мой народ	15
Речка	16
Звездопад	18
Кремнистый путь	20
Наталья и козы	22
Коршун	24
Проблема кушева	25
Леопёрдик	27
Остров на Большой	28
Салбыкский курган	28
Большая Речка – 2012	31
Скорость	31
Видим, но не понимаем	32
Минусинск и Абакан	34
Минусинская земля	40
Землю и волю...	42
Невозможное	45

Власть памяти	46
Мишка	47
Другая земля	48
Судьба Большой Речки	51
Пищухи	53
Волков и медведи	56
Из цикла «Собачьи истории»	60
Английские собачьи истории. Собаки	60
Проблема пролетариата, Или: Два мира, два образа жизни	61
Правдивая история дворняги по кличке Кружок	65
Правда о «собаке Баскервилей»	68
Из цикла «Любовь и смерть»	83
Любовь	83
Смерть	90
Заказ	95
О величайшей необходимости всех интеллектуалов	99
Очень патриотическая пьянка	105
Чернотроп	111
Звезды гаснут	113
Белотроп	116
Самая короткая ночь в году	118
Эссе 2010	125
Через Европу	125

Дом

126

Конец ознакомительного фрагмента.

128

Самая короткая ночь

Эссе, статьи, рассказы

Марина Бойкова-Гальяни
Андрей Буровский
Людмила Лапина

© Марина Бойкова-Гальяни, 2017

© Андрей Буровский, 2017

© Людмила Лапина, 2017

ISBN 978-5-4483-7534-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андрей Буровский

Из цикла «Большая Речка» 2010

Большая речка и вокруг. феномен Большой Речки

Сидим с Андреем Волковым. Все думаем и никак не понимаем, что же в ней такое особенное – в Большой Речке? Действительно, ведь всё как везде: такие же сосны, такие же склоны гор и везде на пятьдесят второй параллели так же сияет летнее небо.

Горы? Они почти такие же везде: в Саянах, в Кузнецком Алатау и на Кавказе. Такие же деревья, растущие под самыми невероятными углами, или под одним и тем же углом на одном склоне.

Такие же ручьи, мелкие и холодные, весело текущие в причудливых местах – например, вытекает такой ручей прямо на дорогу, какое-то время катится по ней, потом уходит вбок. Машина разбрызгивает воду, чуть покрывающую гравий. Если выйти из машины, можно послушать

звон и плеск воды, постоять в легкой прохладе от этой быстрой воды. Хорошие ручьи, задорные и веселые ключики – но и такие ручьи есть везде, в любых горах Южной Сибири.

Реки? Но в горах реки точно такие же. Такие же бурные, холодные, опасные. Помню, в 1989 на Таштыпе я заходил в русло реки, сиделся...

И через считанные минуты не чувствовал собственных ног, бёдер, ягодиц. Опаснее же всего было, чтобы не налетел крупный булыжник, пока ты в русле. В общем, и тут всё, как везде.

И, тем более, как везде звёздное небо, разбитые сельские дороги с лужами, коршуны в небе, шум леса под ветром, жужжание жуков, надсадный крик чибиса. На Большой Речке все отдельно взятое – такое же, как в любом другом месте. А всё вместе получается иное!

Мы с Андреем совершенно согласны, что Большая Речка – это памятник природы. Совершенно особое место. Мы знаем только два таких места: Малая Сыя в Кузнецком Алатау, и Большая Речка в Саянах. Два особых места, где как-то совершенно по другому дышится, и где человек меняется к лучшему. Доверять нам с Андреем можно: мы много где побывали, по всему Приенисейскому краю. Я еще могу назвать такие же памятники природы в Европе. Скажем, в Тригорском, на Псковщине, совсем по-другому воспринимается все, чем в десяти километрах от него в любую сторону. При том, что перелески, поля, лиственные леса, сосняки и излу-

чины рек – точно такие же.

На Большой Речке чувствуешь себя иначе. И в смысле – здоровее, и в смысле, изменяется душевное состояние. Юмор юмором, но даже кот Волковых настроен философски и задумчиво. Как-то становится неважным все, что и готов был считать не важным, но по суете, по слабости душевной вовремя не отбросил. А вот к основным жизненным делам внимание колоссальное.

На Большой Речке активизируются все сильные стороны человека. Скажем, я стал больше думать о проблемах фундаментальной науки. Просто об этом хочется думать. Женя предполагает, что дело тут в отсутствии интернета и всякой связи. Все так, но в таких места я много раз бывал и до этого. Та же Ангара и Север – места куда более глухие. А нет вот этого смещения сознания: стремления заняться чем-то фундаментальным за счет текучки. И такого спокойного принятия жизни, самого себя и мира.

На Большой Речке снятся совершенно особые сны. Мне, например, приснилась музыка – в первый раз в жизни. Шум реки? Но я и раньше жил на берегу реки. И что?

В общем, непонятное это место, Большая Речка. Непонятное, но очень привлекательное. Надо побывать там и зимой.

Большая Речка и капитализм

В советское время на Большую Речку ездили в машине.

Грузовик, крытый брезентом, с сиденьями из досок. Не фонтан, но доехать вполне было можно. И в самой Большой Речке не было казино и ресторанов, но жизнь была вполне налаженная, с магазином, школой и фельдшерским пунктом. Типичная сибирская «глубинка», место уединенное и тихое.

Притом, что уже в те времена Большая Речка привлекала разного рода типажи... Всякий, кто выбивался из некоего среднего состояния, нестандартный и необычный, чувствовал себя в Большой Речке как дома. Другой вопрос, что типажи эти были и со знаком плюс, и со знаком минус.

Была, например, очень хорошая школа. Будь в мире хоть подобие справедливости, Галине Григорьевне давно повесили бы там мемориальную доску при жизни. Собрался коллектив из нескольких умных и нестандартных дам, и сделали они эту самую школу... Необычную, а на фоне сельских школ – так просто исключительную.

Были два неплохих ювелира, а охотоведы делали наблюдения, от которых пищали и плакали и автор этих строк, и профессор Владышевский¹, в качестве примера.

А, кроме того, по Большой Речке бегали то кладоискатели, то строители светлого будущего, думавшие построить в Большой Речке Город Солнца путем разведения кроликов, шиншилл и грушевых садов, то столбисты, рассуждавшие о вреде всяких «городских» изобретений вроде компаса.

---

¹ Владышевский Алексей Дмитриевич, кандидат биологических наук, доцент КрасГАУ.

Потом промхоз и лесхоз приказал долго собирать грибы и рубить лес. Машина исчезла, и Большая Речка стала местом почти недоступным, а в самой Большой Речке сделалось нечего есть. То есть огороды и лес кормили, но в режиме натурального хозяйства. Помню времена, когда достаточно было сказать – «хочу грибов», и к тебе чуть ли не сбегались люди с ведрами: сколько прикажете?! Заработать эти небольшие деньги им казалось весьма важным.

Молодежь бежала из Большой Речки толпами, летом жил в ней старый и малый – внуки с дедами и бабками. Зимой, занесенная снегами, Большая Речка замирала в сонном покое, больше похожем на сезонную спячку.

Активный народ тоже побежал. В школе зарплату не платили по полгода, а кормить детей одной картошкой с собственного огорода не особо хотелось. И школа перешла в руки активного местного клана, для которого пусть нерегулярный, но хоть какой-то источник бюджетных денег был в сто раз важнее содержания образования.

Охота и собирательство кормили... Но еле-еле, без всяких изысков.

Капитализм был не настоящий? Не-а... Как раз настоящий, самый настоящий капитализм. Как оказалось, он такой и есть. На Большой Речке невозможно заработать денег? И капитализму не нужна Большая Речка.

В ХХI веке пошло оживление... Появилось много машин, и Большая Речка стала намного доступнее. Люди стали бога-

че и меньше заняты выживанием. Значит, не так сложно потратиться на бензин, и времени чуть больше у людей. Встал вопрос о дороге... А то плохая, сельская дорога. Встал вопрос о расширении туризма: место-то все же особое.

Раньше участок стоил тысяч восемь, а теперь – около ста – ста пятидесяти. Пока рублей.

В общем, Большую Речку опять начали осваивать, и уже с позиций капитализма. Честно говоря, у меня эта перспектива вызывает просто ужас. Ведь если реально – что несет капитализм Большой Речке? Если реально – строительство и хорошую дорогу, и хорошую гостиницу. С горячей водой, унитазами и душами, вкусной разнообразной едой и пышными перинами на кроватях.

Да-да... еще со стриптизом, рестораном и хронически орущим телевизором. С интернетом, куда мгновенно уткнутся восемьдесят процентов посетителей. С телефоном, который позволит жить на Большой Речке, и притом продолжать вести дела.

Такой инфраструктурой смогут воспользоваться люди небедные, потому что везти все придется издалека. Это Англия и Франция маленькие, там транспортные расходы невелики, даже если везти все на окраины страны... Там до самого дикого места в горах Корсики или на Оркнейских островах до цивилизации – километров 40—50. А здесь от Абакана – 100 км, от Красноярска – 400.

Все место будет организовано так, как захочется «хозяе-

вам жизни». Для не богатых, какими бы яркими и интересными они не были, места в ней не будет. Разве что останавливаться у знакомых, как и раньше. Картофельный сектор экономики будет соседствовать с долларovým, практически не пересекаясь. А для местных судьба одна – обслуживать больших людей. Хоть постилая постели и подавая туртефлю с текилой, хоть оказывая «сексуальные услуги».

У Андрея свое представление, как организовать туризм на Большой Речке: совершенно не капиталистическое. Например, чтобы без всякой хорошей дороги и без навязчивого комфорта, при минимуме связи с внешним миром. Чтобы сюда ехал контингент, которому нужно уникальное, а не комфортное. Кому хочется видеть исключительное место, а не меню на ста страницах, вести неспешные разговоры, а не торговаться, и отдыхать, принимая на кожу солнечные лучи, а не дергаясь в ритмах дискотеки. Отбор по интересам, а не по толщине кошелька.

Я буду всеми силами поддерживать этот проект: если он реализуется, Большая Речка останется Большой Речкой. Капитализма мы не выбирали – ни я, ни Андрей. Мы совершенно некапиталистические люди. Капитализм нам нужен для того, чтобы на Большой Речке было как можно меньше капитализма.

Беседка

Место отбирает человека. Человек устраивает и изменяет место. Вопрос – как? Вот в Пушкинских горах первый их легендарный директор Гейченко просто увидел, что в той низинке должно что-то стоять. Построил там мельницу... Мельница в низинке не «работает» – ветра нет. Но с мельницей место стало еще интереснее. Потом, оказалось – там стояла часовня... И на городище Воронич всегда была церковь. Высокая и большая. Сначала деревянная, а когда в 1795 году Вындомский стал строиться в своем имении Тригорское, он заменил ее на каменную. Это была своего рода домашняя церковь семьи. Возле нее спят вечным сном и сам Вындомский, и его дочь Осипова, друг Пушкина и Александр Вульф – внук Вындомского и сын Осиповой, друг Пушкина (тот самый, который увез из-под носа Пушкина Анну Керн в Петербург, хулиган).

Трудовой народ в священной борьбе с эксплуататорами и кровопийцами спалил эту церковь... Теперь вот ее отстроили, и сразу стало видно – городище, отделенное оврагами от остальной террасы Сороти, остро нуждается в таком завершении. Без церкви место просто обезглавлено. Так и стоял без головы несколько десятков лет (символ России).

Да-да... Про Большую Речку... Недавно Саша Волков построил беседку на берегу Большой. Беседка примыкает

к двухэтажной бане, построенной уже давно Волковым-старшим. Пока не было беседки – вроде, все так и надо. В моем романе «Медвежий ключ» разумный медведь лежал в крапиве как раз на этом самом месте. А как появилась беседка – сразу стало видно, что ее тут и не хватало. Очень нужная беседка, она сразу завершает ландшафт. Полная законченность деталей.

Мой народ

О народе не говорит только ленивый. Вот и с Алешей Волковым мы сцепились на том, что же такое русский народ. Алеша полагает, что за кого готов воевать, к такому народу и принадлежишь. А я ни за кого не готов. Мое государство, за которое не грех и воевать, пало почти сто лет назад. Российской империи больше нет, и воевать мне не за кого и не зачем.

Для меня народ – это те, с кем я говорю на родном языке. На Mutterschprache. А мой субэтнос – русская интеллигенция. Вот это – и, правда, свои. Люди похожего поведения и похожей исторической судьбы. В самой большей степени – с корнями, потомственная, выросшая из дореволюционной. Такая вот иерархия «своих».

У Волковых огород зарос крапивой и бурьяном. Сам Волков (цитирую): «...нашел в траве помидоры». Смеялись мы, я послал дочерей найти ещё. Не нашли. То ли надо было ис-

кать старательней, то ли трава забила помидоры окончательно. Причем до «перестройки» у Волковых и вообще не было огорода. Интеллигенты они... специалисты... Для них думать о чём-то важнее, чем вырастить помидоры. И потому – мой народ.

А восемьдесят процентов населения и Большой Речки, и Красноярска, и Петербурга – не мой народ. Потому что не относятся к моему народу люди, не знающие Пушкина и Гумилева, и говорящие по-русски с непонятым акцентом. Нелепый сброд, который смутно помнит, что когда-то был народом, но толком не знает и собственного языка. И вообще никакого... Стадия обобщезьянывания данного периода определяется забыванием словарного запаса и грамматики. Пиджин-рашен как язык даже части литературы. Конечный итог – бление и мычание, вопли павианов и матерщина.

«Консерваторы – представители народа! – сказал некогда лорд Кларендон. – Той его части, которая заслуживает, чтобы ее представляли». Он прав. Я чувствую точно так же.

Речка

Большую Речку слышно все время, и днем и ночью. Ледяная прозрачная вода перехлестывает через камни порога. Стоишь на камнях, и ступней скоро не чувствуешь. Вода буквально обжигает, когда ею моешься и чистишь зубы. Зато вдруг накатывает ощущение, что тут очень тепло, чуть ли

не жарко... Когда выйдешь.

Речка старается, несет глину и грунт, камни разного размера. Чаще мелочь, но бывает, и довольно крупные камни. Нет-нет, сквозь журчание и плеск раздается стук уносимого камня. В русле все время попадают и окатанные голыши, и разных размеров камни, которые река не успела обточить... обломки скал.

На примере Большой Речки легко изучать мою любимую тему — о работе воды по формированию местности. Дочери чуть не упали от удивления, что всю долину глубиной в сотни метров, шириной в километры, сделали такие маленькие Оя и Большая. А они сделали! Прокопали эту громадную долину, несут Бог знает сколько твердого вещества вниз, буквально на глазах делают выше днища долин...

Что характерно, камни тут такие же, как под Красноярском — те же самые слоистые метаморфические породы, которые были дном моря сотни миллионов лет назад, окаменели на глубине, от давления и температуры. Разрушая Саяны, реки уносят эти породы, поднявшиеся 20—25 млн. лет назад вместе с горами. До самого Ледовитого океана попадают в русле эти окатанные многослойные камешки. Чем дальше от Саян, тем их меньше, все больше в русле Енисея песка и глины. А тут песка и глины почти нет, сплошные камни.

Проходят дожди — и ночной голос речки становится басовитее, солиднее. Камни, на которых еще утром можно было стоять, скрывает вода. И гуще, темнее эта вода, несущая

все больше грунта. Камни уже скрыты под шоколадно-темной водой, какой и не особо умоешься из-за глинистой взвеси.

Река ночью шумит серьезно, гулко, даже немного страшно: река будто пытается выпрыгнуть из поймы. Солидный такой, мрачноватый звук.

Под этот шум спится еще лучше, чем под звуки дождя. Просыпаешься – и слушаешь реку. И засыпаешь со странным ощущением, что все в этом мире в порядке.

Звездопад

Дочки пошли на улицу пописать и радостно сообщают, что звезды вовсю видно. Да! Это не город... И высоко, звезды огромные, яркие. Таких в городе не увидишь, даже в окрестностях. Пошли смотреть вместе, и смотрели с полчаса. Полине быстро наскучило, а Уля все стояла и смотрела.

Вот звездочка сорвалась с неба, мгновенно прочертила след и исчезла. И еще... Я помню, как называется группа астероидов, сквозь которую проходит Земля в эти дни августа: Персеиды. Сквозь Цефеиды Земля уже прошла. Один из пиков августовского звездопада.

На другой день выхожу покурить в полночь, и около часу стою, смотрю на падение метеоритов. Глухая ночь, прохладная и темная. Во всей деревне – от силы один огонек или два. Тихо-тихо. Еле взбrehнет собака на другом конце, кто-

то маленький прошуршит под забором... Даже ветер почти совсем стих. В этой тишине и темноте мчатся сквозь невероятное пространство громадные каменно-металлические шары, сгорают в верхних слоях атмосферы. Здесь, с поверхности земли, это видно как мгновенно вспыхивающие и гаснущие огненные черточки в небе. Загадывать желание? Зачем? Мне не нужно угадывать волю звезд, желать чего-то, пока летит звезда. Я знаю, что со мной сбудется. И знаю, что если что-то станет нужно – смогу получить. Из земли wygrызу, из ничего сотворю. Я давно больше не неудачник. Хозяин жизни? Да... как всякий взрослый мужчина. Нормальные люди становятся хозяевами своей жизни к тридцати. Я – смешной урод и нелепый маменькин сынок. Я стал хозяином жизни к пятидесяти. Противно и гадко вспоминать об этом, но забывать – куда вреднее, чем помнить.

На третью ночь опять выхожу. Поля и Уля выбегают за мной. Я обнимаю дочек, и слышу радостные вскрикивания, когда огненный меч чертит небо. Стрелы ангелов? Нет, просто пролетел метеорит. Пролетел и сгорел на высоте десяти-пятнадцати километров. Женя тоже вышел, стоит рядом, курит, что-то говорит. Судя по звуку голоса, улыбается. Я особенно остро переживаю падение звезд, разделяя это со своими детьми. И с маленькими, и с очень взрослыми, прокуренными, увенчанными учеными степенями и работой в зарубежных лабораториях. Поля начинает дрожать – даже в кофте ей промозгло и прохладно. Беги в дом, доченька,

завтра мы выйдем еще.

В Большой Речке странно уходит все наносное, остается главное в душе. Стою под вечным звездным небом, смотрю на огненные полосы в черноте над головой, выше домов телеграфных проводов, деревьев и сопок. И никакого желания испытывать судьбу, или что-то просить у высших сил. Просто редкое торжественное зрелище, данное Богом и судьбой. Как награда за прожитую жизнь.

Кремнистый путь

Половина второго. Ни огонька, полная тьма и тишина. Выхожу из усадьбы... Раскурил трубку, постоял, пока глаза привыкнут. Пошел по дороге. Эта дорога ведет в лес. Вверх вдоль Большой, километров 18 петляет по местности, потом круто идет в гору. Там еще километров 35 ведет она к избушкам, к охотничьей базе Волковых. Там кедрачи, глухая горная тайга. Из нее часто кто-то приходит на равнину. В 1999, когда Паша и Женя были в Большой, они возвращались с базы вместе с Андреем и Алешей Волковыми. Шли долго, на равнину вышли уже ночью. Ночь была безлунная, а километрах в трех от деревни вдруг сильно запахло тухлятиной. Парни так и шли с оружием наизготовку – на всякий случай. Между прочим, наутро мы пошли проверить, что там – и не нашли ни следочка. И туши не нашли. И запаха не было. Тот, кто валялся в падали, осторожно шел за парня-

ми по траве, а потом отстал и убрался к себе домой. Не решился напасть на четверых крепких парней с двустволками и ножами, да и зачем ему в августе. Волковы называют медведя не очень уважительно: «свинья с клыками». Пока ему хватает корешков, охотиться на опасную дичь он не будет.

Сейчас я иду как раз эти три километра. За этот поход старший Волков меня бы не очень похвалил, но я же ему не скажу. Почему-то полная вера, что никакой опасности нет. Светят звезды, ухает сова, ночные бабочки пролетают у самого лица. Какое-то умиротворение (оно часто бывает в Большой Речке), чувство покоя, внутренней тишины. Мир прост: темнота, лес, дорога в свете луны и звезд. Спят мама и Женя в Красноярске. В палатке, во дворе усадьбы Волковых, спят мои дочки. Паша тоже еще спит – в Лоуборо сейчас 7 утра. Мне хорошо одному идти сквозь ночь. «Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, и звезда с звездою говорит. В небесах торжественно и чудно, спит Земля в сияньи голубом». Все так и есть только мне вовсе не больно и не трудно. Мне умиротворенно и спокойно. «Уж не жду от жизни ничего я»...

Не жду? Не жду. Все что хотел, уже выгрыз. Если ничего больше и не сбудется – главное сделано, можно спокойно стареть.

«И не жаль мне прошлого ничуть...». Не-а... прошлого мне часто бывает очень жаль. Я довольно глупо прожил жизнь... Ну пусть будет – активную часть жизни. Нелепо и глупо, об этом невозможно не жалеть. А вот впасть в про-

страцию, в летаргический сон совсем не хочется. Ни забыть-ся, ни заснуть, чтобы надо мной шумел кедр или дуб. Хочется вот так идти сквозь ночь.

На пороге усадьбы, у ворот, выколачиваю и снова набиваю трубку. Так тихо, что даже удары трубкой о собственную ладонь кажутся громкими. Опять завопил кто-то пернатый – наверное, козодой, для филина слишком пронзительно. Раскуриваю трубку перед тем, как пойти проверить, как спят девочки. Впрочем, их сопение отлично слышно и сквозь ткань палатки. Подтыкаю одеяло под Полину, вылезаю наружу... Светят звезды. Чуть заметно повеял ветерок, сильнее стал запах влаги и травы. И само поднимается лицо к небу, к прохладной сине-черной бесконечности, пронизанной светом Луны и звезд. Господи, как хорошо... Боже, спасибо Тебе.

Наталья и козы

Наталья сбежала в Большую Речку в 1992 году, когда ее муж обнищал. Уехала на лето, и быстренько нашла тут другого мужа, с домом и огородом. В отличие от мужа-неудачника, этот вроде мог и прокормить. Он и мог... Когда осенью первый муж из города приехал за Натальей, он привез с собой толстую пачку денег... Но посмотрел на происходящее, и уехал обратно один. Он и сейчас живет в Красноярске с другой женой и двумя детьми от нее. У него свой строительный бизнес, и с тех пор он только разрастается. Дети его

и Натальи живут с матерью, но часто ездят к отцу. Чем старше, тем больше времени они проводят с отцом, и именно он решает их вопросы «учиться» и «иметь перспективу».

А Наталья так и живет в Большой Речке с новым мужем, вскапывает огород и ходит в лес за грибами. И развела стадо коз. Она продает козье молоко – говорят, оно очень полезное. Насчет пользы не знаю, но что вкусное – это точно. Наталья молока не разбавляет, – говорит, что ей Бог не велит. И вечером брать деньги почему-то тоже не велит. Где в Библии сказано, что вечером нельзя брать деньги, я не нашел.

– Тогда я зайду к вам завтра днем. Мне тоже бог Один не велит не платить за молоко. Если не заплачу, он меня в Валгаллу не пустит.

Я произношу это невероятно серьезно, и Наташа тоже очень серьезно замирает, внимательно смотрит. Кто меня знает? Может, и правда именно Один не велит?

Сейчас еще хорошо... Муж Наташи, Аркадий, водит туристов на сплав, и они по осени закупают центнер-два муки и круп. Огород, козы, сбор грибов...

А первые два года у Наташи были проблемы с зимней обувью. Отец детям обувь купил, но они были еще маленькие,

Наташа в их ботинки и валенки влезть не могла. А у нового мужа обувь была на три размера больше, чем у Наташи, а денег на новую не было. Наташа тогда очень увлекалась космическими энергиями и подпитывалась энергией от земли путем хождения босиком.

Православие пришло чуть позже, когда обувь уже купили, ссыпали в лари запасы крупы, и Наташа начала воевать с мышами, облюбовавшими ее запасы...

Дети вырастают, и все реже они в Большой Речке... Недавно с отцом ездили в Петербург и в Скандинавию. Учиться они будут то ли в Красноярске, то ли в Москве. Наташа родила еще одну дочку. Этот ребенок не имеет никаких перспектив, кроме огорода и коз; разве что Наташа умолит первого мужа и ему поспособствовать... Заодно с его кровными детьми.

В общем, нелепая судьба. И что характерно, от начала до конца построенная собственными руками.

Коршун

На столбе возле лесопилки сидит молодой коршун и орет. Просто поразительно, какие сильные звуки издает такое маленькое существо! Как заорет – слышно километра на два. Рабочие сидят у балка, ждут, когда подвезут новые пилы. Три здоровенных мужика, трезвые и недовольные: нет работы, нет и заработка. Что приятно, даже не пытаются обидеть коршуна, хотя орет он просто устрашающе.

– Во выделяется, паршивец..., – произносит один.

– Дает...

– А мать вон летает..., – и третий показывает мне маму коршуна. Чтобы ее не заметить, надо страдать изъятиями зрения:

размах крыльев у нее метра полтора. Мама летит, сует пойманного мыша в клюв коршуну, и улетает дальше. Вон она, чертит кругами над полем, охотится на мышей и лягушек. А молодой здоровенный коршун так нахально сидит и скоро опять начинает надсадно орать.

Лесопилка не работает, я не могу показать Поле и Уле, как пилят бревна, превращают их в доски разной толщины. Но коршуна очень даже могу. И склоны гор за речками могу: ведь деревня Большая Речка стоит в междуречье. Оя с одной стороны, Большая с другой подмывают крутейшие склоны.

Недавно на склонах на другом берегу Большой видели медведя. Девчонки из деревни, лет по 13—14, собирали грибы, и спускались с горы в темпе марша, на собственных попках. Хотя зверь был совершенно не агрессивен, даже не зарычал, и вообще сразу ушел. Этот склон тоже могу показать. И другой склон, за Оей, на который сбежали козы Натальи. Плевать им на зверей и людей, они лихо прыгают по таким кручам, что становится жутко. Сияющий день, орущий коршун и козы, запах свежераспиленных пихт, шум реки, мерцающее ярко-синее небо. Вокруг меня прыгают дочери, а за речкой по склонам — козы.

Проблема кушева

Поля не ест супов. Разве что суп-пюре в бабушкином исполнении, и только. Но перечисляет:

– Не ем супов грибных, рассольника, борща, горохового, перлового, и вообще никакого. Хотя могу съесть супа с фрикадельками.

И грибов она не ест. И соусов. И вообще не особо дозовешься к столу.

Грешен, всякий раз бросаюсь окормлять свое сокровище: стараюсь дать то, что сокровищу хочется. А у Волковых к этому относятся проще. Кормить детей — святое, и вид у детей не только физически сытый, но и залюбленный такой, довольный. Но никому в голову не приходит выяснять, что дети едят, а чего они не едят. И что они вообще больше другого любят. Еда подана, и все. Еды всегда много, и она вкусная. А если ребенок не хочет есть, никого это особо не волнует... потому что смотри выше: еда есть, ее много, она вкусная.

– Сонька тоже капризничала... Лука она не ест! Мама ей из котлет лук выковыривала, и что-то еще... Мама уехала, Сонька еще неделю лука не ела... А с тех пор ест, и все!

Киваю, потому что хорошо помню, как начал есть сало. После бесконечно долгого дня, начавшегося в шесть утра, к десяти вечера экспедиция села в поезд. Завтра — Красноярск, а пока есть хлеб и сало. Весь день ели всухомятку, торопливо, на ходу. Голодные были страшно, и я тоже. В этом поезде, в плацкартном купе, на второй полке, я и начал есть сало.

У Волковых Поля упорно не ела супов и грибов... Но все-

гда было что-то другое. Интересно, сколько продержалась бы Полина, не будь там этого «другого» в больших количествах?

Леопёрдик

Этого игрушечного леопёрдика Поля и Уля забыли в Большой Речке давно, три года назад: когда были там с мамой. Оказывается, он теперь в Ермаковском – там после смерти мамы старшего Волкова, живет Галина Григорьева с Мишкой и Соней. Давно собирались ехать на Салбыкский курган, арендовать машину... Спасибо Алеше, состоялось. Заезжаем, естественно, в Ермаковское. Времени мало, поезд уходит в пять вечера, машина опоздала, все бегом-бегом. Буквально влетаем в дом, будим бедную (хоть и привычную) Галину Григорьевну, берем леопёрдика, обмениваемся буквально несколькими словами...

А дом-то стоит на яру. Под яром – пойма Ои, и сама Оя – бурная, полноводная, коричневая от прошедших в горах дождей. Все это – на фоне предгорий. Один из самых красивых видов, какие я наблюдал в Сибири, а этим многое сказано. Жаль, что вижу я его буквально считанные минуты.

А леопёрдик и не очень нужен. Дети рады, что вернули его, но играть им уже стало поздно.

Остров на Большой

Гуляя с Ульяной вверх по реке, к лесопилке, находим остров... Даже не намывной, а так... Кусок коренного берега отрезал рукав Большой Речки. Вся-то Большая шириной метров двадцать — двадцать пять. Остров длиной метров тридцать пять, шириной метра три, с кустарником и низкими рябинами. Он отделен от «материка» протокой шириной метра три — четыре. Мы с Улей легко переходим протоку глубиной от щиколотки (на перекате) до «мне по пояс» — в углублении, где много ила. Улька купается в этой промоине, там вода чуть неподвижнее и градуса на три теплее. А потом мы исследуем остров. На нем к моему удивлению, живут не только жуки и стрекозы, но и мыши. Зимой они спят в норках, а летом уйти с острова не могут. Но они толстые и довольные жизнью, эти мыши! Наверное, им хватает жуков и разных растений.

Салбыкский курган

Впервые я увидел это колоссальное сооружение в 1979. Погребальная камера размером с футбольное поле, камни размером с грузовик. В привходовой части — весом тонн тридцать. Тогда вид у кургана был совершенно заброшенный. Три года его копали, с тысяча девятьсот пятьдесят чет-

вёртого по тысяча девятьсот пятьдесят шестой, а потом археологи ушли, оставив камни погребальной камеры. Навсегда. Как со стройки ушли рабочие, побросав недоделанное.

На камнях рисовали краской и процарапывали гвоздями рисунки и надписи самого идиотского содержания. Рисовал эту бяку всякий, кому только не лень. Ходил слух, что поставили как-то милиционера следить... Он и следил, а потом на камнях красовалось: «тут был милиционер Вася».

В тысяча девятьсот девяносто втором — девяносто третьем годах все было чуть менее запущено. Скажем, вырвана часть крапивы при входе. Но «наскальной живописи» было не меньше, а у входа многие камни обвязаны ленточками. В знак почитания, при том, что культа курганов у хакасов не было и в их традиционной культуре курганы «своими» не считались. Тут местные «шаманы» поработали.

Теперь же у входа в погребальную камеру стоят... две юрты. Натуральные хакасские юрты, и возле них – столы. Продают сувениры: в основном современные изделия из камня. С другой стороны – «Место для проведения ритуалов». Так и написано. А дальше есть даже две уборные. Учитывая пустоту хакасской степи, не лишнее. Не так много тут переломов местности, а до леса и гор – километров пять. Внутри убрано, чуть не подметено, все надписи масляной краской убраны. В общем, какой-то порядок... Памятник теперь охраняется правительством Хакасии, он – филиал местного музея. И люди едут! Вот что хорошо. Даже в тысяча девять-

сот девяносто третьем курган был пуст, заброшен, никому не нужен. Теперь тут есть хоть немного экскурсантов. Едут, спрашивают, фотографируют...

Все хорошо – но экскурсии, которые водят по кургану два мужика, очень определенные: хакасский национализм самого низкого пошиба, и сплошь мистика. На кургане и правда происходят порой... не совсем обычные явления. Зафиксированы они довольно надежно, случались с разными людьми (со мной в том числе), но на том ли строить повествование? Мы с Женей пришли к единодушному выводу: надо было своевременно делать музей, в тысяча девятьсот семидесятые, не позже: тогда реинкарнациями и прилетом космических прадедушек увлекались не в пример меньше...

Теперь точно знаю, что не верны предположения о недокопанности кургана: если бы на глубине двух-трёх метров спал бы вечным сном скифский вождь, хакасским экскурсоводам позавидовать стало бы трудно: покойник наверняка вскочил бы разбираться с этой публикой, и мало бы не показалось.

Большая Речка – 2012

Скорость

В годы моей молодости из Москвы в Красноярск ехали четверо с половиной суток. Далеко... Теперь едут двое с половиной суток... Тоже далеко, но все же сделалось куда ближе.

Никому и в голову не приходило ехать на машине эти три с половиной тысячи километров. Первые «герои» ехали мужской компанией, дней десять-двенадцать, подолгу останавливаясь в городах, задумчиво изучали местные красоты, «мчались» по трассе те же восемьдесят-сто км в час. Сегодня я знаю немало людей, которые из Красноярска ездят в Европу отдыхать. До Москвы им суток трое-пятеро, а если сменить друг друга – то и двое-трое. Если едет супружеская пара, сменять друг друга несложно: ведь в наше время водят многие женщины.

Из Красноярска до Абакана, за четыреста километров, ехали поездом... в конце шестидесятых – десять часов. Теперь поезд проходит за шесть, и не успеваешь выспаться. Лучше брать билеты на более долгий, медленнее идущий поезд, который тянется восемь часов.

А машиной? Машиной еще недавно ехали целый день.

Скорость в девяносто-сто километров на трассе казалась невероятно высокой, исключительной, опасной. До Абакана машиной – это весь световой день, а если зимой – то впотьмах. Мы с Тимуром и его сыном Владом едем весь световой день, с девяти утра, приезжаем в Абакан в восемь часов вечера. Но мы ехали, заезжая на озера, купаясь, разговаривая, фотографируя красоты... Отдыхая. Скорость на трассе бывала и сто пятьдесят, и сто семьдесят километров. Она не казалась ни чрезвычайной, ни опасной. Другая техника, другая квалификация шофера.

Земной шар необычайно уменьшился за века. В тысяча семисотом году из Москвы в Красноярск ехали год. В середине девятнадцатого века Суриков шел с санным поездом два с половиной месяца. Минусинск в те времена был крошечным городком, заброшенным на самый край земли.

Современные средства транспорта окончательно сделали Землю маленькой, и продолжают делать ее все меньше. За двадцать лет то, что было «далеко» стало «близко». Сегодня иметь дом в Хакасии – то же самое что двадцать лет назад иметь его в сотне километров от Красноярска. Абакан – это близко.

Видим, но не понимаем

Не раз обсуждали с Тимуром проблему – мы часто фиксируем что-то... Мы точно знаем, что «это» существует в ре-

альности. Но мы не знаем и не понимаем что это такое. Не в состоянии объяснить.

Вот подходим к озеру Белё, спускаемся по склону. До ровной, как зеркало, воды, диаметром около трёх км, порядка двухсот метров, и спуск – метров тридцать.

– Смотрите! – Протягивает руку Тимур.

Мы все трое ясно видим – под самым берегом вздымаются волны. Высокие для озера – в полметра-метр. При полном безветрии встают волны, опадают, идут кругами, уходят и гаснут, понижаются... Что это?!

– Местная Несси... — Говорю я, с полным пониманием – никакой «неси» в озере Белё нет и быть не может.

– Интерференция – наложение волн? – Предполагает Тимур. Тон удивленный, потому что никакого наложения волн нет и быть не может. Ни ветерка. В озере на воде ничего и никого.

Волнение гаснет, пока спускаемся, исчезает полностью. Легкая рябь тоже рассеивается. Входим в воду, где вообще ничего нет, совершенно. Влад, сын Тимура, что-то шутит насчет чудовища: вдруг оно тут?! Смеемся, плывем по тому самому месту, где только что были волны. Говорим Владу: вот пример явления, которое мы наблюдаем, но совершенно не в силах объяснить. Большинство людей в таких случаях просто придумывают любое объяснение, чтобы об этом не думать, и мир снова стал понятным во всех деталях, перестал быть пугающе-загадочным. Или делают вид, что «на са-

мом деле» ничего не произошло, и они ничего не видели.

Еще я остро жалею, что с нами нет Евгения и моих дочек: им было бы не менее полезно увидеть такое явление.

Минусинск и Абакан

Минусинск основан в тысяча семьсот тридцать девятом году, как село Минусинское. В тысяча восемьсот двадцать втором создали Енисейскую губернию, а Минусинск получил статус города. В тысяча восемьсот двадцать третьем году в нем жило семьсот восемьдесят семь человек, из них сто пятьдесят шесть ссыльных.

Центр плодородной Минусинской земли, город стремительно рос. В тысяча девятисотом году в нем жило уже пятнадцать тысяч человек; к тысяча девятьсот тридцатому – около двадцати тысяч. До тысяча девятьсот двадцать шестого года железная дорога не шла на юг Енисейского края. До Красноярска ехали несколько дней на лошадях. Глухой медвежий угол? А вот и нет... Просто поразительно, до какой степени интенсивная умственная жизнь развернулась в Минусинске к концу девятнадцатого века. Шли опыты по садоводству и огородничеству, исследовались окрестности, существовала неплохая, вполне на уровне того времени, медицина, работала гимназия, издавались газеты.

Любимое объяснение роста культуры города – тут было много политических ссыльных. Да, они сыграли свою роль.

Правда, в основном ссыльнопоселенцы ничего не основывали и не придумывали, они разве что составляли слой грамотных исполнителей. В годы Гражданской войны они активно участвовали в событиях, нанеся городу и его жителям невероятное количество самого разнообразного вреда.

Политссыльным часто считают и Василия Григорьевича Янчевецкого (1874—1954), писавшего под псевдонимом В. Ян. В своем роде личность знаменитая... Автор исторических романов о нашествии монголов, вышедших 230 изданиями суммарным тиражом 20 млн. экземпляров, на 50 языках в 30 странах. Лауреат Сталинской премии. Создатель сусальных образов – литературных икон Александра Невского и других официальных героев.

Но и он – вовсе не «борец за светлое будущее». В Сибирь Янчевецкий попал, работая в походной типографии армии А. В. Колчака. Остался в Ачинске по одним данным, из-за болезни; по другим данным болезнь была лишь предлогом – литератор понял, что пора выбирать другую сторону. В Минусинске он трудился как журналист и издатель, вовсе не примыкая ни к одному из политических лагерей.

Самый знаменитый из минусинцев, основатель Минусинского краеведческого музея, Николай Михайлович Мартынов (1844—1904), приехал сюда как аптекарь. Провизор, владелец частной аптеки, страстный собиратель и коллекционер, он в 1874 году основал Минусинский музей и оставался его главным его хранителем до конца своей жизни.

Сначала музей был частный. Коллектив единомышленников Мартьянова «разделился на специальности. Одни из нас взялись собирать насекомых, другие – минералы. Одному ссыльному поляку я передал сочинение Эверсмана о птицах, и он взялся составить из него список тех из Минусинских птиц, которых он сам убивал или имел возможность видеть у своих знакомых. Метеорологические наблюдения я передал одному любителю – здешнему учителю Сайлотову».

Коллекции разрастались, Городская Дума января 1877 года постановила учредить «Минусинский Местный Публичный Музей» (дата иногда считается официальным временем открытия музея). Дума отвела официально помещение: комнату в 31.5 квадратных аршин в доме городского головы И.Г.Гусева. Выделили 200 рублей для организации библиотеки.

30 апреля 1879 г. Городская управа перенесла коллекции в три просторных светлых комнаты в принадлежащем городу каменном здании на главной площади Минусинска, в библиотеку.

В 1900 музей переехал в специально построенное для него здание, казна выделила на его организацию 1500 рублей. До этого музей существовал исключительно на общественные пожертвования, 75% из них составляли вклады простых горожан и окрестных крестьян. Четверть бюджета давали губернаторы, крупные промышленники. Владельцы винокуренных заводов, братья Даниловы с 1886 года вносили в каз-

ну по 1000 рублей ежегодно – на музей. Здание тоже строили на общественные деньги; сначала собрали 13 тысяч рублей, потом все необходимые 20 тысяч.

В 1877 году в Музее хранилось 1362 предмета, а в 1901 году – 56 483: в 40 раз больше. В 1901 году в Музее появилась даже фотографическая лаборатория, а для хранения разросшихся коллекций был обустроен чердачный этаж.

В 1892 году Музей участвовал в выставке при Московском Международном Конгрессе коллекциями по доисторической археологии. В 1893 году – во Всероссийской Гигиенической Выставке в Санкт-Петербурге. В 1894 году – во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Всюду коллекции Музея заслуживали почетные отзывы. За консультациями в Музей обращались профессора не только из Красноярска и Томска, но Москвы, Петербурга, Дерпта, Гельсингфорса, Кракова, Данцига.

Сегодня в Минусинском музее хранится 179 тысяч экспонатов. Это музей, который производит впечатление даже после Эрмитажа, Берлинского археологического, Музея человека в Париже, Музея археологии и искусствоведения в Оксфорде, провинциальных музейчиков южной Франции... Великолепный музей, вполне международного класса.

При этом зарплата директора не предусматривалась. Н. М. Мартянов почти 30 лет возглавлял музей на общественных началах. Чтобы кормить семью, он оставался провизором. На общественных началах он собирал и орга-

низовывал коллекции, которые составили его музею международную славу.

С удовольствием сообщаю, что в день смерти Николая Михайловича, 13 декабря 1904 года, Городская дума Минусинска приняла решение назвать его именем музей и улицу, на которой жил Мартьянов.

С еще большим удовольствием сообщаю, что потомки Мартьянова, числом 13 человек, и сегодня живут в России и в США – причем в США они попали не как беженцы: один из сыновей Мартьянова женился на американской поданной.

Одним словом, жил Минусинск, не только как центр сельскохозяйственной округи и нарождающейся промышленности, но и центр науки и культуры. Региональный центр? Небольшой? Конечно. Замечу только, что и Краков и Упсала и Дерпт начинали не с большего. Сейчас в Минусинской котловине живет до 100 тысяч человек. Еще 500 тысяч – в Красноярском крае южнее Транссибирской железной дороги. Расти Минусинск естественным образом, быть бы ему университетским городом, экономической и культурной столицей всего Саяна и Алтая, от Байкала до Бийска.

Но естественно развиваться не дали. Минусинск при советской власти был не любим – уже как город со слишком яркой выраженной физиономией, своей личностью. Ну, и здоровый душевно, не склонный к метаниям в утопии, к «построению светлого будущего» и прочему сюрреализму.

Ну и не делать же русский город столице Хакасов!? Созда-

вая особый Хакасский национальный округ, Минусинск сделали центром Минусинского района с подчинением Красноярску. А на левом берегу Енисея на рубеже 1920-х и 1930-х годов построили особый Абакан, как столицу сперва Хакасской Автономной области в составе Красноярского края, теперь – Республики Хакасия.

В Абакане живет 170 тысяч человек. Этот город вырос вокруг железнодорожной станции среди голой степи. Абакан строили посреди степи, вдали от протоки Енисея, вдали от гор. Это город ветров, город пыли, неуютный и жаркий. А зимой холодный из-за пронзительных ветров.

Криминальный город Абакан считался опасным у всех экспедишников. Люди опытные учили меня: не ешь в забегаловках, не пей с незнакомцами, никому не говори, что ты начальник экспедиции! Кузьмина в Абакане опоили чем-то в столовой, сперли полевую сумку с деньгами. Боковенко грабили. На Савинова напали прямо на вокзале трое местных урок. И все время на улицах шатаются какие-то бездельные типы. Ленивые глупые лица, руки в карманах, выражение презрительной скуки на испитых мордах...

В Минусинске чисто, воздух свежий от окрестных гор и Енисея, в ясную погоду он ярок, как переводная картинка.

В Минусинске – около 70 тысяч жителей. Маленький? Но уютный, компактный, и к тому же очень, очень динамичный. В этом хорошо организованном, приятном городе и сегодня много людей с умными глазами и приветливым вы-

ражением на лицах. Много людей, чем-то активно занятых с утра, куда-то спешащих, что-то строящих или несущих. Модель того, каким может быть русский провинциальный город, даже заброшенный на край света.

Минусинская земля

Пересекая Енисей и его протоку, попадаешь не просто с одного берега реки на другой... Хакасия – самый северный «отросток» Центральной Азии. Этот «язык», «высунутый» в Сибирь, тянется до Алатау – отрогов Саянских гор, отделяющих Хакасскую котловину от расположенных севернее котловин: Красноярской, Ачинской, Канской. Эти котловины заполнены лесостепью. В них причудливо смешиваются Центральная Азия и Сибирь, в самой же Хакасии Центральная Азия преобладает.

Хакасия – край разделенных сопками равнин лежащих на разной высоте, по-разному ориентированных по странам света... Северные склоны сопки покрыты лиственничной тайгой, южные – степные. По берегам речек и озер – густые березняки. В каждой долинке – немного свои условия... своя гидрология, свои ручейки, свои экспозиции склонов, чуть-чуть другая высота, свои местные ветерки и озерца со своими популяциями рыбок.

А над долинами, их наклонными днищами, сопки уходят за горизонт изломанными неровными рядами, – сине-лило-

выми, лазорево-фиолетовыми, со всем невероятием оттенков; совершенно рериховские краски. Хакасия чарует, но это не Сибирь.

Пересекая Енисей между Абаканом и Минусинском, попадаешь опять в Сибирь из Центральной Азии. С 19 века пошло общее такое название: «Минусинская котловина» – понижение между Саянами и Алатау. В советское время уточнили: «Хакасско-Минусинская котловина». Даже с точки зрения геологии это не совсем одна и та же форма рельефа: поднятие Саян создало котловину на стыке двух геологических и географических стран: Восточной и Западной Сибири. Но надо же было подчеркнуть, что Хакасия тут рулит!

Енисей разделяет два разных мира. На правом берегу в Восточной Сибири, в Минусинской земле – нет гряд сопок, неровных долин, наклоненных в разные стороны. Есть слабо всхолмленная равнина, больше всего похожая на Восточноевропейскую, она же Русская.

Тут нет степи и лиственничника. Тучную Минусинскую землю покрывают сосняки. Аромат соснового леса, сплошные леса и поля, много полей, скот на лугах... И правда похоже на Русскую равнину... даже грибы не сибирские – не грузди и волнушки, а европейские – маслята и лисички. Маслята в бору... почти как под Петербургом.

Только жара тут летом другая – континентальная, и запахи немного другие. И парят над мирной сельской благодатью Саянские горы, синие издалека.

Минусинская земля – удивительный кусок Европейской России, заброшенный от нее за тысячи верст. Она больше похожа на Россию, чем плоская как стол, Западная Сибирь, чем окрестности Красноярска. Не удивительно, что русские в Хакасии селились редко и поздно, с середины-конца 19 века. А Минусинскую землю начали осваивать сразу, как только ее узнали. И освоили, сделав похожей на Россию больше, чем любой другой уголок Сибири. Удивительная Минусинская Русь.

Землю и волю...

У Тимура неглупая мысль: что стоит выехать из города, как начинается какая-то другая жизнь... Что в селах и маленьких городках происходит много всякого интересного, что в каждом из них свои правила жизни, своя история, свои отношения людей. И что живут в них вовсе не одни деграданты и алкоголики. Тимур в главном прав. Но в 1990-е было как раз ощущение, что все в России умирает, вне больших городов. Зарастали поля – сначала травой, потом кустарником... Теперь там густой молодой лес. Исчезали стада, скукоживалась инфраструктура. Была школа? Не стало. Была больница? Остался фельдшерский пункт с вечно пьяным фельдшером. Было производство? Развалилось. Ходил автобус? Больше не ходит. Зарплату не платили месяцами, люди жили картошкой с огорода, старики и детишки умира-

ли, народ бежал из распавшихся совхозов и леспромхозов.

Сейчас как-то все не то... Много распаханых полей, появилась скотина. И дома в деревнях крепкие, покрашенные, среди ухоженных усадеб. Не похоже на обиталища алкашей.

Гипотеза: те, кто хотел спиваться, уже померли. Или сбежали в города, где сейчас и догнивают на вокзалах. А здесь остались крепкие и умные.

Еще гипотеза: реализуется старая мечта Некрасова и вообще народовольцев, – «землю и волю им дали»... Людям дали возможность устраивать свою жизнь – вот они ее и устроили.

Примеры «другой жизни» появились как только мы выехали из Красноярска. А в Минусинской земле лежит богатый совхоз Синеборский.

Знаменит он двумя важными особенностями:

1) Перед Великим развалом 1991 года у руководства совхоза появилась мысль – строить коттеджи работникам. Строить и продавать им по себестоимости, за символические деньги.

Так целую улицу застроили, и в этих коттеджах, вполне «новорусского» вида, живут самые что ни на есть рядовые работники.

2) Совхоз в «перестройку», будь она неладна, не развалился, не стал нищим и страшным, из него не побежали в панике люди.

Впечатление необычное даже на фоне нынешней – рабо-

тящей и сыто-трезвой, деревни: крепкие дома со следами недавней покраски, чистая улица, и по ней никто не слоняется. Работает грейдер, засыпает гравием проулок. Жителей Синеборска видели только в столовой – деловитые парни, явно с работы... Кажется, с того самого грейдера.

Кстати, о столовой: мы поели втроем, отдали 102 рубля. Как так?! А вот так: поджарка стоит 13 рублей, котлета – 9, гречневая каша – 2.7 рубля. Сфотографировал меню – а то ведь не поверит никто.

Тут же продают свежее испеченный хлеб. Он очень вкусный, по 13 рублей большая буханка.

Поселок благоустраивается – появилось даже подобие набережной с бетонными плитами, чугунной решеткой, скамеечками. Набережная – на берегу пруда, где забрали дамбой русло ручейка, вывели его в трубу, а воду накопили. Еще год поработать – и будет действительно красивая набережная.

Работает парикмахерская... фотографирую ее – высказывает полноватая красивая девица:

– Что тут у нас за фотосессия?!

Беседуем, и выясняется: дева из семьи предпринимателей, которые сажают клубнику возле неведомого мне «Первомайского», а сбывают ее в Минусинске и Абакане. Раньше нанимали работников в «первомайском», теперь возят их отсюда, из Синеборска: «там одна пьянь осталась». А отсюда, выходит и работников можно привезти...

Стрижку в парикмахерской мне предлагали за 180 рублей.

В Красноярске берут 250, в Петербурге – 300.

Девушка приятная. Не особенно интеллектуальная, но видно – добрая, домовитая. И довольно привлекательная, при избытке килограммов. Встретиться я с ней в большом городе, она ничем не отличалась бы от множества других девушек тех же лет. Да и остальные жители такие же... Во всяком случае, духа алкогольной деградации от них не исходит.

Выводы простые: и в наших экономических (климатических, природных, социальных... нужное вставить) условиях вполне возможна достойная осмысленная жизнь. Включая двухэтажные кирпичные коттеджи для рядовых работников.

Невозможное

У Мединского есть хорошая формула: «Попробуйте построить дорогу, если вы точно знаете, что в России не бывает хороших дорог». А и правда – попробуйте построить?!

Но вот сейчас мы едем по М-54 – великолепной трассе, построенной в последние годы. Я хорошо помню типично советское позорище, кривое и косое, с неровным колдобистым асфальтом, с почти исчезнувшей разметкой, без указателей. А теперь здесь же, поверх прежней, лежит прекрасная трасса, с разметкой и указателями, с названиями пересекаемых рек, удобными съездами и развилками.

Трасса уходит на юг от Красноярска, на Абакан и Минусинск, потом на столицу Тувы-Тывы, Кызыл, через высокие

перевалы. Город Кызыл до 1926 года назывался иначе: Белодарск. Основали его русские в 1914 году, в приметном месте: у слияния двух рек – Большого Енисея (Бий-Хем) и Малого Енисея (Ка-Хем), образующих в результате Енисей (Улуг-Хем). Как выяснилось позже место еще более примечательное: по ряду расчётов, город располагается в точке географического центра Азии. Там и соответствующий обелиск поставлен: «Центр Азии»

Так что трасса М-54 соединяет Транссиб и Центр Азии. Очень хорошо, комфортно соединяет.

Невольно улыбаюсь и думаю: знали ли строители, что такую трассу в России построить невозможно? И еще невольный вопрос: читали ли строители «Дороги» Мединского?²

Власть памяти

Двадцать лет назад из Ермаковского в Большую речку ходила машина: крытый Газ-66. уже в этом была некая экзотика, намек на то, что в эти места так просто не доберешься. Горы вырастали на горизонте, а потом оказывались во круг, машина нутужно редела, преодолелая все три перелала... Потом и такая связь пререлалась,

Даже как-то огорчительно: теперь в Большую речка два раза в неделю ходит по расписанию автобус, утром и вечером. Никакой, знаете, экзотики!

---

² Владимир Мединский «Этюд о дураках и дорогах». Прим. редактора.

Удивительно, какую силу имеет над человеком память о разных местах. Словно что-то мягко толкнуло в сердце, когда увидел излучину Ои, домик Галины Григорьевны... Опять я в поле старой дружбы с Волковыми!

Все знакомое, милое: речь Галины, эти собаки и кошки, особый домашний уют сельского интеллигентного дома: словно вернулся лет на двадцать-тридцать.

И ещё два раза так же мягко толкнуло в сердце: когда после Разъезжей показались и начали расти, приближаться горы. И когда, пройдя третий перевал, машина начала спускаться, а внизу уже видна речка и домики. Наверно, такие же ощущения были у путешественника старых времен, который не каждый год пригонял караван в какой-то уединенный поселок.

Мишка

Волковы реализовали, на мой взгляд, лучшую из возможных моделей размножения: у них пятеро детей, и последний сын родился одновременно с первой внучкой.

Этот последний сын, Мишка, мне еще мало знаком: 14 лет, он ростом почти с меня. Добрые умные глаза Галины Григорьевны на лице Сергея Дмитриевича. Два года назад Мишка, его племянница Соня, дочь старшего сына Волковых, Андрея, жили в палатке во дворе Волковых, вместе с моими дочерьми (тогда – 12 и 10 лет). Дети примерно

одного возраста, они жизнерадостно играли, издавая дикие вопли.

И вот теперь вижу Мишку – основательного, крупного, типичного Волкова по всему... Он очень похож на двух самых старших братьев. Глядя на Мишку, даже испытываю хорошую зависть: у меня два прекрасных сына, а у Волковых – целых четыре, и куча внуков.

Другая земля

Как всегда, Сергей Волков рассказывает интереснейшие вещи. Например о том, что косули ходят по тропам маралов... Мелкие звери – по тропам крупных. Издаю индейский вопль: подтверждается наша с Пучковым идея о том, что крупнейшие звери создают инфраструктуру обитания для мелких, и что если истребить зверей доминантного класса, то и «мелочи» становится хуже.

Марал мало похож на слона или мамонта, и вообще не гигант, даже не полугигант, но повторяется та же самая схема. Другой вопрос, что марал не в состоянии в такой степени изменять среду обитания, как даже зубр или носорог. Но принцип работает, пусть и без перестройки ландшафтов.

А вот еще любопытнейшие детали: косуля стала водиться в тайге. То она была лесостепным животным, жалась зимой по открытым пространствам, недалеко от деревень. После 1992 года возрос пресс охоты – умная косуля забилась

в леса.

Кроме того, после 1992 года стало намного больше медведей. Тогда везде пасли скот, даже в тайге. Домашние коровы теснили медведя, составляя ему конкуренцию за пищу. Медведи не от хорошей жизни драли телушек и бычков, выпасаемых на откорм. И пастухи истребляли их – не на мясо и шкуру, а именно как опасных для скота хищников. Давили петлями, стреляли из незарегистрированных стволов... Вспоминаю, что так же точно поступали и герои Сетон-Томпсона, – убивали медведей, нападавших на скот.

Теперь скота намного меньше, медведей перестали истреблять почем зря. Медведи размножились, и стали нападать на косуль. Теперь для косули тайга – место менее опасное.

В общем, идет перестройка ландшафтов, и вместе с нею – изменяется состав животного мира. Само по себе – яркий пример изменений, творимых человеком. Вставляй хоть в «Антропэкологию», хоть в «политическую экологию» хоть в статью с Пучковым...

Задумываюсь еще вот о чем: Россия после перестройки инфраструктуры стала более урбанизированной страной. Патриархального крестьянства давно нет... но в СССР искусственно поддерживали густое сельское население. Закрытая на саму себя, страна кормила себя экстенсивным скотоводством.

Сейчас Россия – страна городов и интенсивного сельского

хозяйства. Тех самых богатых, современных, активных сельских жителей, никак не алкашей и деградантов. Но это сельское хозяйство ведется не везде, а очагами, жметя к окрестностям городов, к трассам. Транспортные расходы стали важны, не везде сельское хозяйство окупается, даже в богатой Минусе.

Земля запустела? Лес наступает на поля и луга? Да... Значительная часть России, тем более Сибири, «пустеет». Но, во-первых, пустеет не одна Россия... Франция тоже пустая... скоростной поезд грохочет по местности, где восстановился смешанный или лиственный лес. Сельское хозяйство ведется очагами, местами живут в основном дачники, владельцы загородных домов, где проводят часть года. Значительная часть Франции стала местом, где живут не все время, где не ведется интенсивного хозяйства.

Во-вторых, Франция и в этих рекреационных ландшафтах очень окультурена, дикой природы там мало. Притом, что поголовье косули в ней за последние 20 лет возросло в 2 или в 3 раза, а на кабанов приходится охотиться, чтобы они не портили виноградников. В том числе в Шампани, где уже лет двести самым крупным промысловым зверем был барсук.

Россия громадна. Другой климат, несравненно меньше плотность населения. У нас перестройка инфраструктуры неизбежно создает малонаселенные области, где восстанавливаются охотничьи угодья. Заброшенная земля? Но ведь

люди никуда не исчезли. И они могут хранить память о деревнях прадедов, приезжать на могилки, оставлять дома или строить новые, получше, для отдыха в теплое время года.

А охотничье хозяйство, сбор дикорастущих растений – такая же часть хозяйства, как и любая другая... вопрос, как организовать, что из этого будет экономически.

Может быть, охотничье-промысловая Большая Речка 1970-х – 1980-х и есть некое «воспоминание о будущем» – если не всей России, то какой-то ее части?

Судьба Большой Речки

Тридцать лет назад Большая Речка была процветающим хозяйством: леспромхозом – рубили громадные кедры. До сих пор на берегах рек лежат остатки срубленных великанов, диаметром по полтора метра... Был и промхоз: сбор грибов, охота, заготовка ягод, переработка...

Двадцать лет назад леспромхоз лег, промхоз стал неэффективен, все развалилось. Народ побежал из Большой Речки. Летом жил старый и малый, в основном те, кому деваться особо было некуда. Умирающая деревня, заброшенный поселок, никому не нужная земля с никому не нужными домами.

Десять лет назад купить дом или землю в Большой Речке было легче легкого, причем за гроши. Теперь все участки раскуплены, строятся новые дома... В основном живут

дачники часть года, вывозят семьи в этот богатый, яркий край с интересной природой. Покупают землю и строят дома вовсе не бедные люди, не мелочь пузатая. Устраиваются в Большой Речке и высоколобые, и владельцы заводов, газет, пароходов... высоколобым труднее всего – отдыхать тут приятно, а вот работать? В наше время без интернета это трудно...

А вот охота ведется интенсивнее прежнего; приезжают и из Москвы, и из заграницы...

На фоне разрастающегося туризма, роста дачного массива кажется чем-то устаревшим, пришедшим из другой эпохи продолжающаяся вырубка кедровых лесов. Ведь кедровые леса – это само по себе бренд! На это поедут еще туристы, в кедровых разведутся кабаны, медведи, охота на них даст больше, чем переработка стволов...

Видимо, окончательное превращение Большой Речки в рекреационный ландшафт – вопрос времени... и еще это вопрос нашего разумного к ней подхода. Построит кемпинги и жральни? А зачем? Этого добра везде навалом. Как сказал Волков одному своему другу:

– Тебе пятизвездочный отель нужен? Так я тебе его устрою, спи там. Но там медведей-то нет. Ты на охоту приехал? Так будешь жить у меня в доме, а потом поедешь не на мерседесе, а на газике, и не по автостраде, а по руслу реки... Туда, где есть медведи.

Все верно. Современность поселка определяется не горя-

чей водой и не танцами официанток в ресторане, а высокоскоростным интернетом. Будь тут такой интернет – я заваливался бы писать в Большую Речку на месяцы... Баня мне вполне хороша, от сельского сортира точно не помру, а умыться зимой можно и снегом. А вот без интернета все же плохо...

Пищухи

Первый день в Большой Речке ходили «на порог» – вниз по Ое: туда, где в 1997 стоял мой лагерь экспедиции. Ходили фактически весь день. Порог – особое место... рев воды, никакой слышимости, не успевшие обточиться, стать округлыми в русле камни. Ложишься на воду, и река несет тебя и выталкивает снизу, под живот...

Сажусь на камни, откидываюсь... Хрустальный ледяной поток с ревом оmyвает меня, дробится о тело, уносится дальше. Нога попадает в щель между камнями, рву ее из неудобной позы... Эта нога и раньше побаливала, – растянул связку. Теперь – резкая боль в ступне. Обратно иду, сильно хромая. И не проходит...

На другой день едем вверх по Ое, в горные промысловые избушки... Километров 18 – легкий подъем, бурлящие речки и ветхие мосты через них. Местами приходится ехать прямо по руслу, вброд, а не по ненадежному настилу.

На этих переправах и валяются неправдоподобных разме-

ров комли кедров: их просто не смогли вывезти, не помещались в лесовоз...

Потом дорога резко поворачивает вверх. Крутые склоны, крутые дороги по ним, езда по руслу речки, по чудовищным буеракам, по дороге, где колея – чуть не полметра, приходится ехать, оставляя ее между колесами... В конце пути – избушка, – маленькая, тесная, уютная. Все, что нужно для жизни под потемневшим от дождя и снега кровом. То идет дождь, то прекращается. Тут километрах в пяти – солонец, к нему выходят маралы и косули. Уже три дня живет в избушке охотник Алексей. Лёша, пытается подстрелить что-то на солонце. Не получается, а вчера вечером еще страшно промок, сушился полдня, и под утро не пошел на солонец.

Еще в нескольких километрах впереди – лабаз, к нему ждут медведя на приваду. До него нельзя доехать, придется все равно пройти кусок по лесу.

Охотникам нужно туда, Мишке, Тимуру и Владу – интересно. А я что, лабаза не видал? С моей ногой идти полкилометра или километр вовсе не нужно. Поезжайте, ребята, я охотно тут один посижу. Позже оказывается, что я был особенно глубоко прав: машина засела, ее дружно вытаскивали, подкладывали камни... В общем, приключение как приключение, но мне его сейчас совершенно не нужно.

Рев двигателя замирает, я остаюсь один на поляне с избушкой. Тихо-тихо... Только дождик опять пробросил, зашуршал... Только ветер зашумел листвой. Только журчит

в промоине ручей. Еще время от времени свистят какие-то мелкие тварюшки. Алексей говорил про живущую в избушке мышь... Я сперва и принял за разожравшуюся мышь такое рыжее существо... сперва я увидел только мелькнувшую за угол рыжую толстую попку, и подивился: во сильна! Много же она тут нажрала у Алексея в гостях...

Но сижу я неподвижно, вытянул ноющую ногу, и вижу: вот еще существо... Вот еще... Пробегают, не задерживаясь... разве что на краю поляны, метров за 10, стоят, поднимаются на задние лапки, рассматривают меня, пересвистываются. Постепенно тварюшки перестают бояться, перебегают не так быстро, и все ближе. Вот они, выбегая из-за стены, замирают на несколько мгновений, глядя на меня черными круглыми глазами... Рассматривают. Я тоже рассматриваю их, и все в большем изумлении: ну какие ж это мыши?! Никакая мышь не сможет разожраться до размеров очень упитанной крысы. Пропорции тела у тварюшек скорее как у хомяков, но не совсем... Задние ноги у них чуть длиннее передних, крестец торчит вверх. Хвостов опять же нет, или они совсем короткие. Уши круглые, но как-то подлиннее хомячьих. Какой-то особый местный хомяк? Крыса-мутант?! Не пойму...

Так и не понимаю, пока не возвращаются остальные.

– Пищуха альпийская! – Бросает Сергей Волков, – Очень полезное животное... Сена заготавливает много, ей самой столько и не надо. В снежные зимы марал только и жив бывает, что этим сеном... Как в тундре лемминги, так у нас пи-

щухи...

И Волков смотрит в сторону пищух с одобрением.

— У них ноги задние длиннее передних...

— Они к зайцам близкие... зайцеобразные.

До сих пор я не видел в дикой природе две формы жизни: волка и пищуху. Вот и увидел, наконец. Только почему она «альпийская»? пищух насчитывают то 20, то даже 30 видов... из них только один встречается в Альпах, остальные — азиатские и американские. Но альпийские они или саянские, а пищухи мне понравились: толстенькие и деловитые. Очень положительные тварюшки, и если их одобряет Волков — значит, и правда полезные.

Волков и медведи

— Сколько я тут живу, с девяносто первого года занимался медведями... — Говорит Сергей Волков. — их штук двенадцать сам убил, и еще до тридцати — клиентами... А вообще они все умнее и умнее...

Я буквально подсказываю: по Вернадскому, и биосфера в целом все время «набухает разумом», и каждый вид делается все разумнее и разумнее. Кое-какие сведения о разуме животных мне Волковы уже подкинули. вот опять. Рассказываю: есть мнение, что все виды животных, становясь все разумнее, вынуждают и других усложнять отношение к жизни, становиться многовариантнее, гибче, и в конечном счете

умнее. Глупые гибнут много чаще.

Волков кивает: для него это очевидно на уровне не теоретических обобщений, а опыта. Говорит, что на Большой Речке, сталкиваясь с человеком, и медведи и волки стали умнее за последние 20 лет.

Решили на приманку волкам использовать собаку: посадили пса, привязали, и окружили кольцом капканов. Волки органически не переваривают собак. Они способны врываться в деревни, страшно рискуя, ловить собак под крыльцом, или между домами, вытаскивать из будок.

Но коварный план не удался: волки ходили вокруг, нюхали, а собаку не тронули. Видимо, понимали – что-то нечисто в этом появлении беззащитного пса среди леса!

И медведи. Двадцать лет назад они легко шли на приваду, не боялись. Теперь стали хитрые: или не идут так легко, или, по крайней мере, пытаются выйти к дохлой корове днем или утром когда охотников на лабазе нет. И вообще сделались намного осторожнее.

Много в том непонятного: медведи ведь звери одиночные, и как они рассказывают друг другу о накопленном опыте, неизвестно.

Но вообще медведи относятся к Волкову с большим уважением. Знают его, и избегают тесного общения всеми силами. Раз медведь явился прямо на Большую речку, к бане Волковых. Собаки лаяли до рвоты, Сергей рванулся с ружьем, Алексей (второй сын) помчался за отцом, и медведь их ждать

не стал: как увидел, ломанулся через Большую, на склон — и улепетывать. Мужики его не поймали, зверь ушел. И Сергей Дмитриевич сказал, что зря спал у стенки — пришлось прыгать через жену — спал бы с краю, успел бы поймать этого противного медведя. А у меня появилась неприятная мысль, что зверь хотел навестить семью Волкова, пока самого его нет дома. А как он дома оказался, страшный Волков, задерживаться не стал.

Вот и когда сидел я один у избушки, какой-то гад из медведей взрыкнул на склоне. Нападать он явно не собирался — скорее наблюдал за ними с самого начала, а когда я остался один — подал голос, обозначил себя; проверял, паршивец, что буду делать.

– Балуй!! – Рывкнул я во весь голос.

И все, и больше не было эффектов. Проверил, поганец такой, не побегу ли. Интересно, а что бы он делал, кинься я со всех ног по дороге? Без карабина? Неприятно думать, говоря откровенно. Но Сергею Волкову я об этом рассказывать не стал: еще обидится за меня, что его хромоногую гостью пытался пугать медведь, найдет этого медведя и убьет. Не... не надо умножать счет кровной мести.

Волкова я спросил: а помогают ли медведи сделаться разумнее самому Волкову? И он серьезно задумался. В очередной раз убеждаюсь: этот человек глубоко уважает зверей. Человек 21 века, он легко пользуется мобильным телефоном, виртуозно водит машину и очень неплохо начитан.

И сложные эволюционные теории, о которых я ему рассказывал, Сергею совершенно понятны. Но многое в его сознании мне напоминает времена, когда человек жил среди могучих зверей, и внимательно за ними наблюдал. Волков не верит в переселение душ из людей в медведей и обратно, но относится к зверям крайне серьезно. А может, и правда они способствуют развитию его ума? Вот благодаря этому отношению к зверям Волков и вызывает их ответное уважение. Он не считает себя выше зверей... Он просто умнее и сильнее.

Из цикла «Собачьи истории»

Английские собачьи истории. Собаки

Во всем мире и везде собаки походят на хозяев. В Англии это достигает какой-то предельной стадии. Англичане считают, что показывать свои чувства – презренно. Но не скроет своего истинного лица ни один хозяин собачки!

Я хорошо понял это в парке «Гуинсберри» в Лондоне, наблюдая за людьми и собаками.

Вот идет дяденька, до такой степени преисполненный чувства собственного достоинства, что надел костюм-тройку и галстук в семь часов утра в парке, в жару. Идет тяжелой походкой и зыркает исподлобья тяжелыми злобными взглядами, даже сопит от напряжения. Но я его не боюсь, этого дядьки: рядом тяжело семенит черный мрачный пес, и на псе написано: он хочет быть опасен и страшен, но на самом деле он не опасен и не страшен, он труслив. Пес – карикатура на хозяина.

Вот идет смурного вида пожилая леди: подчеркнуто прямая спина, неподвижные мышцы лица, строгое выражение... Ее я тоже не боюсь, но по совсем другим причинам, чем пожилого джентльмена, играющего в страшного человека: вокруг леди жизнерадостно прыгают, улыбаются, гавкают, бе-

шено виляют хвостами три довольные, счастливые собаки – размером от болонки до овчарки.

Идет молодая пара – и их собачки весело лезут друг на друга и вообще на все встречное.

Идет пара пожилая, с добродушными, благожелательными собаками – удовлетворенно-чувственными, сытыми, полными самодовольства.

Бежит парень, а за ним – бешено вертящий хвостом, нюхающий каждый кустик песик, любящий жизнь и вообще всех окружающих.

Очень полезное дело – понаблюдать в парке за собаками.

Характер страны и народа раскрываются через собак. Не случайно Англия – царство «собачьих историй». Расскажу несколько, в которых Британия становится видна, как отраженная в громадном зеркале.

Проблема пролетариата, Или: Два мира, два образа жизни

Двести лет, при жизни восьми поколений, Британия была «мастерской мира». Шестьдесят процентов мужского населения работало на производстве. После Первой мировой или Великой войны производство стало менее важным. После Второй мировой – еще менее важным. Промышленность начала перемещаться в страны Третьего мира. В семидесятые годы прошлого века ввели понятие «свободно конверти-

руемой валюты», и процесс завершился: из «мастерской мира» страна превратилась в мирового банкира. Если сегодня в промышленности занят каждый десятый – уже хорошо. Да и то, как правило, это не этнический англичанин.

Хорошо? Наверное... Но возникает вопрос – куда девать пролетариат? Те самые шестьдесят процентов мужского взрослого населения? Англия, которую мы знаем – это Англия аристократии, буржуазии или среднего класса. Аристократов Конан-Дойля и Гейнсборо, мелких дворянчиков Киплинга и Дарелла, буржуев Голсуорси и Стюарт, интеллигентов Диккенса и Киттса, поповичей Уоррена и Дарвина.

Есть, конечно, выходцы и из низов – вроде Кука, сына батрака, или Оуэна и Фарадея, сыновей рабочих. Но это именно что выходцы. Они и интересны нам потому, что стали адмиралами, первооткрывателями, предпринимателями, учеными... Средним классом. А кому интересны, прошу извинить за выражение, пролетарии? Эта Англия пролетариев известна мало именно потому, что никому не интересна, ее люди сливаются в общую невыразительную массу. А она была и есть, эта масса.

Пролетарии, которым нечем заняться, пытаются найти себе другое место в жизни. Получается не у всех, получается очень по-разному. Те, кто имел квалификацию – устроится и в другой жизни. А если не хватает и квалификации, и ума, и энергетики? Если малоквалифицированный ручной труд на производстве стал единственным способом существова-

ния? Вот то-то и оно...

Огромное количество англичан слоняется без дела, перебиваясь на пособия. Работы для них нет и не будет, а должны же люди хоть чем-то вообще заниматься? Вот они и «занимаются»: устраивают безобразные драки на стадионах и между собой, вандалят в парках и на улицах, мучают животных, пугают детей, обижают женщин, нападают на приличных людей, – средний класс их невыносимо раздражает. А то, понимаешь, ходят тут всякие, по тياتерам шляются, прохвессора всякие позорные, а тут людям на джин в неразбавленном виде не хватает.

Вот сидят на скамеечке возле канала два человекообразных подтверждения теории мистера Дарвина: узловатые лапы в наколках, нижние конечности кривые, морды тупые и мерзкие – хищных обезьян. И от них воняет тухлятиной, гнилыми зубами и пивом. Дуют пиво из банок – и уж, наверное, это никак не эль по старинным монастырским рецептам.

А на канале в плавучем доме сидит на площадке большая собака – восточноевропейская овчарка. Сидит как раз напротив двух орангутанов-переростков. У собаки умное лицо, коричневые пронизательные глаза.

– Это не английская собака! — Говорит одно существо, тыкая пальцем в животное.

– Не английская! — Соглашается другой. — Это волк.

Первый смотрит на второго с уважением. Ка-кая мысль!!! Нет, ну ка-а-кая мысль!!! Сильная работа мысли

сразу отражается на морде.

Собака, судя по глазам и лицу, думает быстрее сих созданий. Пес смотрит настороженно и вдумчиво, пролетарии его беспокоят... Ведь чего ждать – неизвестно. Собака беспокоится, опасаясь попасть в непредсказуемую ситуацию.

– Это не английский волк. — Роняет первый пролетарий. Оба разевают пасти, раздаётся невнятное гавканье. А! Это пролетарии смеются...

– Это континентальный волк, — производит тот же самый ещё одну грандиозную мысль.

Оба ржут и прихлебывают пиво. Действительно – это же так смешно – где-то есть какой-то «континент», населенный всякими там, кто невыразимо ниже истинно английских пролетариев. Как же тут не веселиться?

Я согласен с умным псом – надо быть настороже, когда появляются пролетарии. От ничем не занятых жди бессмысленных идей и никчемных теорий, траты времени на бессмыслицу. От бездарных жди пожаров в библиотеках и избиений студентов. От ленивых жди расточения чужого труда.

От отдельно взятого пролетария жди похабных надписей и луж мочи в подъездах.

От группы таких вот существ надо ждать того же самого, но уже в других масштабах – то кретинского глумления над умным псом, то разгромленных толпой автобусных остановок.

А если в одном месте скопится сразу много таких, они еще

выяснят, кто тут настоящий пролетарий, договорятся о причинах, придумают общую идеологию и разъяснят причины, по которым надо убивать нормальных людей. Сговорившись, кто тут континентальный волк, пролетарии начнут строить свой мир, пропитанный смрадом скверного пива, грязными носками и прогорклыми остатками жратвы под диваном. Мир, в котором пролетариям хорошо, а умным собакам – плохо. Очень страшный мир. На редкость отвратительный.

Мир собачки намного приятнее. И пахнет от собаки тоже лучше.

Правдивая история дворняги по кличке Кружок

Воспроизвести звуки, которыми кличка этой собаки передается на английском, я все равно не в состоянии. Потому пусть будет у нее переведенное имя – Кружок. Если верить этой истории, пес по кличке Кружок всегда лежал у стула хозяина Джонни в пабе «Свинья и жираф». Всегда он лежал смирно, покорно – знал, что у хозяина все равно нет на него времени, что хозяин очень занят – дует пиво.

Только один раз Кружок стал вести себя нехорошо: заволновался, заворчал, затыкал. Этим он отвлек хозяина от важнейшего занятия, и даже заставил тоже беспокоиться. Когда Кружок вскочил, потянул хозяина за штанину, запрыгал, тот даже повысил на собачку голос – что для англичанина

почти что кощунство.

Собачка, умильно виляя хвостом, тащила хозяина наружу. Дать ей пинка. В Англии бьют жен и детей. До сих пор не отменен Королевский Указ XVII века, запрещающий избивать жену после 21 часа – чтобы ее вопли не мешали спать соседям. Официально порка в школе отменена в 1968 году. Но ударить собачку... От одной такой мысли у правоверного бритиша глаза лезут на лоб и ослабевают коленки. Тем более, приятели отлично видели, что происходит, и подбадривали песика своими воплями. Они даже стали держать пари: вытащит Кружок Джонни из паба, или нет?

– Да иди, Джонни! Все равно скоро закроют! — Утешали его приятели.

Джонни машинально взглянул на часы – 11 минут шестого. Вовсе и не скоро закроют! Еще почти два часа работает паб.

Кружок – шерсть дыбом, безумные глаза – все тянул и тянул Джонни за штанину. Чтобы не искалечить песика, Джонни приходилось неуклюже идти за тянущем его Кружком, под хохот компании. И на улице Кружок не остановился, все тянул и тянул хозяина за штанину. Так и тянул, пока не оттащил довольно далеко, метров на двести от паба. Там Джонни и встал – не в силах расстаться с недопитой кружкой пива, злобно шипя на собачку. Теперь Кружок, радостно тявкая, прыгал вокруг хозяина. Шерсть на его хребте опала, глазки стали обычные – не очень умные, веселые (под стать хозяи-

ну). Джонни подумал, не вернуться бы в паб? Время есть... Но только подумал, как Кружок опять словно взбесился. — Тьфу ты, напасть! Да что только на тебя вдруг нашло?! — обратился было Джонни к Кружку с обличительной речью, как вдруг гроыхнуло с невероятной силой! Так гроыхнуло, что Джонни присел от одной силы звука. Там, откуда утащил его Кружок, вставал над низкими крышами, кустисто раскидывался двадцатиметровый фонтан дыма и пламени, летели какие-то обломки на фоне темнеющего неба (Джонни стоял западнее, близ Темзы).

Англичанин в 1944 году хорошо знал, что означает такой фонтан огня и дыма — с 8 сентября этого года нацисты выпускали по Лондону ракеты «ФАУ-2». Ракеты должны были отомстить англичанам и запугать их. Подлетали они со скоростью в два раза большей, чем скорость звука, порядка 600 км в секунду. Лондона они достигали с континента примерно за 10 секунд, и падали до того, как долетал звук их движения. Практически совершенно внезапно что-то рушилось с неба и рвалось.

Эффективность обстрелов с помощью «ФАУ-2» ничтожна — нацисты пустили больше трех тысяч ракет, от взрывов которых погибло всего 2700 человек. Этот пуск оказался одним из самых эффективных: на развалинах паба «Свинья и жираф» нашли четырнадцать покойников, больше тридцати человек увезла «скорая помощь».

Вот что тут самое интересное: на «Свинью и жирафа»

«ФАУ» упала в 17 часов 20 минут. «ФАУ» летели до Лондона примерно 10 минут. Когда Кружок вытаскивал его из паба, Джонни взглянул на часы – было 17 часов 11 минут. Значит, Кружок начал тащить хозяина как раз примерно тогда, когда на континенте сработала одна из пусковых установок. Ракета только пошла в небо, как собака забеспокоилась. Никто и никакими силами не мог бы рассчитать места ее падения... Но Кружок ухитрился определить, что им с хозяином лучше б отойти от паба подальше – и как он это сделал, совершенно непостижимо.

Какой-то идиот даже заподозрил, что Джонни – наводчик и германский шпион, и что он вовсе не случайно улизнул из бара перед самым падением «ФАУ». Это полная чепуха, потому что прицелиться «ФАУ» было совершенно невозможно, они летели буквально в белый свет как в копеечку. Да и не поверил никто возведенному на Джонни поклепу.

Фотография Джонни и Кружка висит на стене отстроенного паба. Скверная фотография 1945 года, Джонни на ней виден хуже, он держит своего Кружка на руках. А вот Кружок рвется в объектив, словно хочет забраться внутрь фотоаппарата.

Правда о «собаке Баскервилей»

Раз уж речь о собаках и Англии, пора рассеять еще одну литературную мистификацию – миф о собаке Баскервилей.

Все было не так, как описал сэр Артур Конан-Дойл.

То есть, в чем правда – нечто подобное громадной собаке бегало по сельской Англии в самые последние годы недоброго XIX века. А, может быть, бегают и по сей день.

Наверное, никогда не станет достоверно известно число людей, которых сожрала эта кошмарная тварь. Историки называют разные цифры: кто пятьдесят жертв, кто все сто пятьдесят. Только доктор Инглворт из Эдинбурга уверял, что погибло всего три человека, а остальных, якобы, придумали англичане, чтобы им было интереснее. Профессор Челленджер из Оксфорда и доктор Саммерли доказали, что трое англичан, о которых писал доктор Инглворт, не имеют к кошмарной «собаке» решительно никакого отношения. Эти трое пропали как раз в то время, когда шотландцы праздновали день своей победы над англичанами и ели свой ненаглядный хаггис... Что такое хаггис?

Хаггис – это особая еда: рубленое мясо смешивается с ливером, с овсяной кашей, смесь набивается в коровьи кишки. Колбаса? Только по форме, по вкусу совсем не колбаса, мясо с кашей. Хаггис – такое же дитя бедности, как наш студень – использование всего, что только можно использовать в забитом животном. Гадость – но шотландцы, и правда, любят хаггис, национальное блюдо. Любят не только как еду... Это ритуальная пища шотландского простонародья. Жаль, у нас нет такого отношения ни к студню, ни к каше, ни к щам, ни к пирогам. Право, напрасно.

Вот у шотландцев отношение к хаггису самое торжественное. Хаггис едят на всех официальных церемониях. Входит повар, торжественно возглашает: «Мы будем есть хаггис!». Собравшиеся изображают ликование. Повар вносит блюдо с хаггисом, вручает его самому почетному гостю. Тот торжественно принимает, он должен выпить с поваром. Под завывания волюнок они пьют, держа в обеих руках чашу – руки должны быть заняты, чтобы никто не мог никого пырнуть ножом.

Потом самый почетный гость распределяет хаггис, и его поедают, запивая виски, опять под завывание волюнки. Англичане клеветают на хаггис, что для его приготовления используется кошачий корм, и что всякий, кого от поедания хаггиса стошнит, ритуально изгоняется из Шотландии, и навсегда становится невъездным. Самые вредные англичане намекают, что в старые времена иностранцев, которые не смогли поесть хаггиса, и не выразили своего восхищения сим блюдом, самих пускали на хаггис. Скорее всего, англичане преувеличивают, но ведь профессора Саммерли и Челленджер доказали: троих англичан и правда пустили на хаггис! А нечестивый и малоученый доктор Инглворт из Эдинбурга приписал их исчезновения собаке Баскервилей, негодяй!

Но с Инглвортом все сразу понятно – шотландец... Речь не о нем, и даже не о хаггисе. Речь все-таки о существе, которое жрало не каких-то отвратительных шотландцев, а са-

мых что ни на есть англичан... Это было совершенно неприлично!

Сколько бы ни было жертв (а обо всех мы никогда не узнаем, мой милый мальчик), появление чудовищной твари наделяло невероятное количество шуму в сельской Англии. Что и вызвало к жизни одну из самых знаменитых литературных фальсификаций начала XX века. О гнусном и страшном существе говорили всякое. И что это «черный Шак» – его называют еще Старый Шак или просто Шак – и все сразу понимают, кто это.

Легенды про Черного Шака живут в Англии тысячелетия. В разных частях страны рассказывают и про других таинственных созданий – про призрачных собак, про черных демонических псов, про людей, оборачивающихся чудовищными животными.

У Черного Шака – черная шерсть, горящие глаза размером с блюдце, острые оскаленные клыки. В 1577 году в городке Блитбурне во время службы вдруг грянул гром, двери настежь распахнулись, и в церковь вбежал огромный чёрный пёс. Этот пес промчался мимо целой толпы людей, и загрыз именно тех мужчину и мальчика, которые стояли в церкви пьяные и говорили нехорошие слова.

В разных летописях приводятся разные слова, которые говорили эти нечестивые люди. Различаются и детали того, что произошло. Разные свидетели видели Черного Шака то размером с корову, то «чуть больше овчарки». Но остались

до наших дней выжженные следы около церковной двери. Их можно видеть и сегодня, так что легенда не врет... по крайней мере не во всем.

Ученые рассказывают, что «на самом деле» Черного Шака не существует, и что легенды о нем восходят к древнейшим преданиям ариев о священных собаках и о Дикой Охоте. Но выжженные следы лап огромной собаки – вот они. И множество людей видели Черного Шака своими глазами. Нет! Не только люди, задержавшиеся в пабе, и видевшие Шака после трех литров пива. Черного Шака видели женщины (в это трудно поверить, но среди англичанок встречаются и такие, которых видят пьяными не каждый день) и даже дети лет восьми-девяти. Их Черный Шак провожал, оберегая от опасностей. Как-то он попался ребенку, который вел из паба пьяного вдупель папашу, и сопровождал его до дома. Мальчик уложил папу под стеной, открыл двери и обернулся, чтобы втащить родителя в дом... Он только и увидел, как Черный Шак скрывается в вересковой пустоши, держа пьяницу во рту, поперек туловища.

Впрочем, появившееся чудище не все считали Черным Шаком. Многие полагали, что сожравшее толпу людей чудовище – это «Ужас расщелины голубого Джона»... Якобы сэр Артур Конан-Дойл приманил исчадие подземного мира, подкармливая внутренностями овец, и оно начало служить человеку.

Говорили и что это вообще никакая не собака, а ол-

гой-хорхой, привезенный доктором Гримсби Ройлоттом из Монголии. Это полная чепуха! Доктор Ройлотт никогда не был в Монголии, он привез из Индии не олгоя-хорхой, а только болотную гадюку. Всякий, кого кусала гадюка или умирал, или становился кретином. Доктор Ройлотт знал это совершенно точно, потому что гадюка кусала его минимум трижды.

Да и вообще, все эти рассказы – просто клубная болтовня, потому что происхождение и печальная история Собаки Баскервильей прекрасно известна. Она и правда имеет прямое отношение к Баскервилям, потому что именно сэр Чарльз Баскервиль предоставил свое поместье для серии самых безбожных экспериментов, проводимых в тайной лаборатории на острове в Гримпенской трясине. Записки сэра Чарльза не оставляют никаких сомнений ни в целях экспериментов, ни в том, кто их организовывал и финансировал. И уж, надо полагать, его состояние не имеет никакого отношения к Южной Африке! Никакие алмазы, никакая торговля слоновой костью не принесла бы ему столько же, сколько дали юркие люди из тайных служб. Даже королевская семья финансировала работы. Огромные деньги давали стеной стоящие у престола воинствующие дармоеды – их предки совершили какие-то великие дела, но сами-то они повторить что-либо, достойное мужчины, были абсолютно не способны.

XIX век стал веком машин, городов, возвышения низших

сословий и всяких вредных идей, ставящих под сомнение величие высших. А тут родилась мысль: вывести собаку, которая сразу будет чутать джентльменов и охранять их! Она поможет поддержать и сохранить навсегда Англию этих людей — Англию поместий, многочисленной прислуги, охоты на лисиц, кожаных диванов, министерства колоний. Англию, разделенную на не могущие никогда смешаться кланы и касты.

Наверное, во имя такой сверхидеи сэр Чарльз сдавал бы свое имение и за более низкую цену: слишком чаровала его мысль создать существо, которое уменьшит в Англии число понаехавших инородцев, а простолюдинов будет держать в подобающем повиновении, связав их страхом и ужасом перед мистическими силами.

В XIX веке эти мерзкие простолюдины почти перестали верить, что если перестанут быть согнуты в покорности джентльменам, то на том свете их станут поджаривать на сковородах и швырять в огненное озеро. А тут — колоссальный пес с горящими глазами, с пылающей огнем пастью! Сначала чудовищный пес сожрет евреев, индусов, поляков и прочих сомнительных личностей. Увидев, что с ними происходит, устроятся и низшие классы. Устроятся и припадут к ногам джентльменов. Сэр Чарльз Баскервиль так упибался гибелью инородцев, что только одно огорчало представителя древнего рода: главный вивисектор доктор Пол Моро тоже не был джентльменом! ах, это было так неприлично!

Приходилось признать: худородный, но умный доктор Моро оказался решительно необходим. Какие эксперименты он ставил! Какие! Жуткий вой собак, которых Пол Моро беспрерывно резал, создавая все более устрашающих чудовищ, висел над Баскервиль-холлом. Раза два животные сбегали и попадались идущим по дороге. Тем лучше – в деревушке Гримпен начало рождаться общество, которое и хотел видеть сэр Чарльз Баскервиль.

Заезжий цыган в ужасе бежал, только завидя издалека одну такую тварь. Индусский раджа поклялся никогда больше не нарушать кастовых законов, особенно не прикасаться к виски. Он уехал в Индию – в надежде, что там его не настигнет, как он выразился, «воплощение Кали». Старый еврей Хаимович перестал быть атеистом, и двое суток молился в синагоге, прося Яхве спасти и избавить его... даже не от мистических животных. Он просил спасти его от англичан.

Местные жители старались не выходить на болота по ночам, когда силы зла властвуют беспрепятственно. К Баскервиль-холлу они не приближались и среди бела дня, справедливо полагая – там силы зла властвуют, независимо от времени суток.

А ведь это было только начало!

После того, как сэр Чарльз Баскервиль и доктор Моро создали существо размерами чуть ли не с лошадь, они напились от полноты счастья и начали выводить тварей, которые

сразу отличали бы от настоящих людей инородцев и простолюдинов.

Они справедливо рассудили, что обоняние собаки во много раз тоньше обоняния человека, и что различать породы людей собакам легче всего по запаху. Ученые были правы: собака безошибочно начала узнавать джентльменов! Вот только различала она их совсем не так, как хотелось устройствам эксперимента.

...первой жертвой выведенной доктором Моро собаки стал каторжник Селден, и погубил его пиджак, подаренный сэром Чарльзом. Когда глава службы безопасности, беспутный профессор Мориарти, устроил побег Селдену и поселил его на болотах, сэр Чарльз не оставил необходимого каторжника своей милостью. Теперь по болотам бродило существо в сто раз опаснее всякого Черного Шака. Никто не мог бы тайно подкрасться к лаборатории... но едва собака вырвалась из клетки, она пошла именно по следам Селдена. Доктор Моро еще предполагал, что дело может быть в пиджаке, но сэр Чарльз пришел в восторг – он жалел полезного слугу, но был уверен – выведенное животное проявляет нужные качества!

Эту собаку над трупом Селдена застрелил Джеймс Мориарти. Полезнейший человек! Это он изобрел смесь, лишенную запаха, но светящуюся не хуже фосфора. Даже будь собака кроткой как ягненок, не всякий долго смотрел бы на переливы адского пламени на этой морде. Очень незаурядный

человек был этот Джеймс Мориарти, по своим личным качествам почти приблизившийся к джентльменам! Потому он и пал жертвой дьявольской собаки. Во время первого же эксперимента.

Это правда, что собаку пустили по следам юной деревенской девицы. Но никакая это была не жертва страсти Гуго Баскервиля, да и вообще никакого Гуго Баскервиля никогда не было. Все просто – девица служила в Баскервиль-холле. Она знала слишком много, по деревушке Гримпен ползли слухи. На совете было решено, что на ней и будет проверено новое могучее оружие.

В тот вечер, когда собаку пустили по следу девицы, над Гримпенской трясинной стлался густой белый туман. Он медленно полз к Баскервиль-холлу, окружая и справа, и слева идущих за собакой низким, но плотным валом. Лившийся сверху лунный свет превращал его в мерцающее ледяное поле, над которым, словно черные пики, вздымались верхушки отдаленных гранитных столбов.

В этом тумане за девицей летела собака, – огромная, черная как смоль. Но такой собаки не видывал еще никто из смертных. Из ее отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьем воспаленном мозгу не могло бы возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо.

Чудовище несло по тропинке огромными прыжками.

Не удивительно, что девица лишилась чувств при виде демонической собаки. Но пес был ей совершенно не опасен: собака облизала лицо девушки и помчалась дальше, принявшись к следам совершенно другого человека: главы службы безопасности Джеймса Мориарти. Это враки, будто он утонул в Рейхенбадском водопаде! Как бы ни так... Эту ерунду много позже придумал сэра Артур Конан-Дойль.

Собака не слышала воплей бегущих за ней. Не обращала внимания на выстрелы. Даже на Мориарти подействовало: все слышали дикий вопль, когда на него прыгнула собака.

Все, что увидели ученые на поляне у двух каменных столбов, вкопанных тут в незапамятные времена, они описали вот так: «Над Джеймсом Мориарти стояло мерзкое чудовище – огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее чем любая собака, которую дано видеть смертному. И это чудовище у них на глазах растерзало горло профессора Мориарти, и, повернув к ученым свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули, обуянные страхом, и, не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем. А двое других, сам доктор Моро и его подручный, Монтгомери, немедленно эмигрировали».

Эти двое до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения, но жили на идиллических островках и постепенно принялись за прежнее. Конец их, как

и следовало ожидать, печален, чему неопровержимое свидетельство – документальный роман «Остров доктора Моро».

До сих пор точно неизвестно, почему гадостные твари, содержащиеся в тайной лаборатории, разбежались по всей Англии. Одни говорят, что их выпустил доктор Моро. Благодаря этому, он и его помощник, тоже простолюдин, Монтгомери, смогли беспрепятственно пройти через болота: страшные собаки виляли им хвостами и просили подачки. И они бежали в теплые страны, пока джентльмены не могли и близко пройти там, где страшно были рукотворные чудовища.

Другие говорят, что выпустил собак дворецкий сэра Чарльза Баскервиля, Джон Бэрримор. Этот недостойный предатель не простил попытки использовать его племянницу для экспериментов с собакой, и отомстил, с тех пор навсегда исчезнув из цивилизованного мира. Ходили слухи, что он-то и сделался человеком-леопардом на Острове доктора Моро... но это уже недостоверно.

Во всяком случае, собаки-мутанты, громко воя, разбежались по всему острову, и немало людей пострадало в страшную зиму 1899/1900 годов. Они безошибочно находили своих мучителей: всякого джентльмена, последствие пяти поколений пьяных зачатий, очень легко определить по физиономии сильно пьющего мопса: эдакое специфическое сочетание розового с сине-багровым, множество лиловых прожилок...

Да и запах... Не забудем: построить в замке клозет бы-

ло бы нарушением традиций. Джентльмен должен жить в тех же условиях, как его предки во времена Вильгельма Завоевателя! Это люди низших сословий законопачивают окна, проводят паровое отопление и строят уборные. Джентльмен должен стойко переносить трудности, он выше сортиров и тепла. Переносит трудности, джентльмен распространяет не только исторически сложившийся аромат перегара, но и запах прелых тряпок, многократно просушенных у открытого огня камина.

Стоило джентльмену расстегнуть ширинку или спустить штаны в древней замковой аллее, как, откуда ни возмись, громадная тварь со светящейся мордой хватала его поперек туловища и волокла вглубь мрачных болот... Так и тащила со спущенными штанами, и не было спасения несчастным!

Вот тогда-то лучшие умы королевства поручили потомку древнего рода, сэру Артуру Конан-Дойлю, скрыть ужасные события или придать им нужную форму. Сэр Артур и сэр Чарльз долго совещались, сидя перед камином Баскервиль-холла. Длинная вереница предков в самых разнообразных костюмах – начиная с вельможи эпохи королевы Елизаветы и кончая щеголем времен Регентства – взирала на них со стен, удручая своим молчанием.

За газоном, раскачиваясь на ветру, стонали высокие деревья. В просвете между быстро бегущими облаками проглянул месяц. В его холодном сиянии за деревьями виднелась неровная гряда скал и длинная линия мрачных болот.

Баскервиль-холл отапливался только камином, джентльмены сидели в пальто, протянув ноги к огню. По замку, перебивая застоявшийся веками аромат прели, плыл запах, который в других странах назвали бы запахом многократно использованных портянок – но про джентльменов так говорить нехорошо. Сырой холод и вековая традиция: графини с портвейном пустели с неправдоподобной скоростью. Выкурив центнер табаку и опустошив два винных погреба, джентльмены буквально купались в запахе, который плохо воспитанные типы без роду и племени назвали бы смрадом перегара. Для демонических собак это был запах привычной добычи.

Вскоре сэр Чарльз Баскервиль вынужден был прогуляться в историческую тисовую аллею: сортира в замке, конечно же, не было. Отдадим должное сэру Артуру: несмотря на выпитое, он кинулся на вопли своего старшего друга, сжимая в руке револьвер. Поздно! Крики сэра Чарльза затихали откуда-то со стороны Гримпенской трясины. На пыльных дорожках далеких аллей ясно читались следы лап огромной собаки...

Читатель! Если тебе доведется бывать в Англии, не пей гадостного самогона, который англичане называют «виски», почаще меняй носки, держись подальше от болот, даже в светлое время суток. А главное – нипочем не входи в министерство колоний, адмиралтейство, старинные замки, аристократические колледжи. Помни: в этих средоточиях дико-

сти и мракобесия силы зла властвуют беспредельно.

Из цикла «Любовь и смерть»

Любовь

ПОСВЯЩАЮ Светочке — с радостью и обожанием

У мистера Шекспира какой-то идиот говорит, что любовь – это «мудрое безумие». Говорит он это особым «мудрым» голосом, проникновенно так, и вдумчиво необычайно. После произнесения этого бреда все остальные персонажи делают умные лица и с таким же «мудрым» видом начинают трясти головами: соглашаются, стало быть. В порядке реализации «мудрого безумия» у мистера Шекспира в каждой пьесе в последнем акте непременно образуется на сцене гора трупов; если валяется меньше пяти человек, то и любовь – никакая не любовь, даже не интересно. Мне же вспоминается такая старая-престарая история: относится она к числу тех, которые ни подтвердить, ни опровергнуть.

Мне ее рассказали в музее-заповеднике «Пушкинские горы»; не удалось установить, сколько раз эту историю передавали от одного к другому. Несомненно, при каждой передаче она хоть немного – но всякий раз изменялась, и все же под дымом многократных пересказов явственно светится огонек *подлинности*. Нечто подобное вполне могло произойти, –

это главное.

...Все началось в тридцатые годы XIX века, в правление императора Николая Павловича. И началось с того, что жил-был на Псковщине молодой озабоченный помещик. Где именно? Места называют совершенно различные, да это и не особенно важно. Главное, что была у барина в горничных девица, которой помещик строил всяческие куры. О родителях и братьях-сестрах история умалчивает, но был у девушки жених, местный и тоже крепостной кучер Федя (а по другой версии – не Федя). Папа помещика был против: хотел, чтобы сынок женился на богатенькой, а горничная пусть себе выходит замуж за кучера Федю; забеременеет – возьмем новую. А у сынка гуляли по организму гормоны, лезли прыщи, и посягал он всеми силами на девицу. Про дальнейшее говорят по-разному. То ли умер старый барин, а новый взял девицу в наложницы. То ли вовсе и не взял, а только попытался взять, старый же барин умирать пока что и не думал. По одной версии, кучер Федя выписал барину в торец... по своей ли разбойничьей волюшке, по научному – инициативе? Или же девица закричала, позвала любимого, когда барин поволок ее в спальню? Тут рассуждений и предположений может быть на пол вечера, а точно не знает никто. В любом случае – бунтовать молодые люди затеяли, нехорошо. Как известно, русский народ любит начальство, а крестьяне любили помещиков. Так любили, что помещики в один прекрасный момент как-то очутились за гра-

ницей: на волне народной любви, я полагаю. Но в нашей истории попались нетипичные молодые люди, для русского народа нехарактерные. И что они так помещиков не любили? По другой версии, молодые люди бежали, и их поймали. Что тоже было нехорошо, неуважительно. После чего девицу засунули век вековать в девичью, а парня стали сдавать в рекруты. А может, и не бежали они, их и без побега разлучили. Это неважно. А важно то, что барин настоял на своем: стал избавляться от полового конкурента, а девицу то ли взял, то ли активно брал себе – уже независимо от желания. Еще важно, что в одну прекрасную ночь помещичий дом загорелся. Дом вспыхнул, и не спасли, сгорел дотла. Молодые люди пропали, и говорили, что они сгорели в доме. Еще говорили, что они утопились в пруду, – вроде бы, даже трупы находили. Ну и, конечно же, молодых людей года два искали и ловили по всей России. Еще, конечно же, их не раз видели – то в Сибири, то по дороге в Сибирь, то в Прибалтике, то даже в Варшаве. Но вот что не нашли – это факт, на чем и закончилась первая половина истории. Барский дом отстроили, барин женился на богатенькой... наверное, даже прыщи у него прошли. В общем, идиллия. Вторая же половина истории состоит в том, что лет через тридцать после зарева над усадьбой ехал с Кавказа генерал. Очень заслуженный генерал, очень почтенный. Он сжег много аулов, убил много горцев и совершил много других, не менее славных подвигов. Генерал ехал в Петербург, где его ждала новая порция по-

честей, заслуженная слава и награды. Дорога длинная, Кубань уже начала заселяться, генерал ехал и купался в народной любви: ведь русский народ просто обожает генералов. Герой этой повести тоже вот от рекрутчины сбежал – видимо, не только помещиков, он и генералов любил совершенно недостаточно. Автор сих строк тоже не издает оргастических стонов при виде мундира, но со мной-то все ясно! Польская и немецкая кровь бушует в моих жилах, мешает обожать, кого надо.

...А генерал ехал в Россию и заехал на постоянный двор. Стояла такая изба на тракте, куда можно было зайти выпить и поесть, – ехало-то много народу осваивать вольную Кубань. Трактир на тракте мог приносить больше, чем обычное крестьянское хозяйство. И поставил какой-то предприимчивый человек такой вот двор, чтобы от своего крестьянского хозяйства кормить всех прохожих и проезжих.

Заехал генерал в гостеприимно распахнутые, широко раскрытые ворота... Жара, полдень. Парень вилами кидает сено... Мужик с бородой и еще один парень обтесывают бревно. Выходит к генералу хозяин постоянного двора, – крепкий такой мужик в летах, седина в бороде. Вышел. И обмер вдруг... устался, стоит, как столб.

Генерал тоже оцепенел... Смотрит... неужто!?

Так и стояли, пока у мужика весело так глаза округлились, заулыбался!! Может, генерала полюбить решил? По старому народному обычаю?

И кричит очень радостно мужик:

— Ваня! Петя! Коля!

Мужик с бородой и парни побросали работу, смотрят.

— Глядите! — Кричит пожилой мужик, и пальцами тычет в генерала. — Вот тот самый барин, который тридцать лет назад нашу маму украл!

— Ух, ты... — Удивились сыновья, и покрепче взялись за древки.

— А то! Сам пришел! — Продолжает радоваться дядька. — Ваня, давай сюда вилы!

— Не... — Качает головой парень. — Вы, папаша, отдыхайте, потому как жарко сегодня. У вас, папаша, потом опять колотье в грудях будет... Я сам.

— Убери вилы, Ваня, — заявляет молодой мужик с бородой, очень на старого похожий. — Тут у меня топор, мне с барином беседовать сподручнее!

И деловито так делает к барину шаг.

Говорят, барин бежал верст пятнадцать. Так и бежал по жаре, бежал и бежал. То ли пока не свалился, то ли пока не попался на дороге марширующий полк, спас генерала. Что дальше было, история умалчивает, даже и слухов никаких нет. Не говорится даже, мчался ли генерал сам по себе, без всякой посторонней помощи. Или время от времени оглядывался барин, видел бегущих за ним Ваню с Колей, слышал их азартные вопли, после чего прибавлял ходу. В этом последнем случае молодец пожилой генерал, если

удрал от двух молодых, выросших на крепком крестьянском труде.

Но чем бы ни кончилась история, чем бы она не продолжилась, у меня, простонародного, любовь – как раз в отношениях беглецов на Кубань. Эти люди прожили жизни, полные тяжелого труда. По современным понятиям – неправдоподобно тяжелого. Что бы они ни делали, чего бы ни достигли – в их судьбах именно труда было больше всего. Неустанного физического труда, который никогда не прекращается.

Возможно, Он Ее бил за какие-то смешные «провинности» – типа борщ подала холодный или на соседа посмотрела. Возможно, она отказывала мужу – не от нелюбви, не поссорившись, а просто от смертной усталости, после нескончаемого длинного дня в непрестанном труде и движении. И вообще, жили они в избе, где нет форточек, мылись раз в неделю, в бане, а спать ложились в страшной духоте, не меняя пропревших за день рубаш. Жили, веря в овинника в овине и в кикимору за печкой, побаиваясь домового и смертельно боясь просыпать соль.

Возможно, их уже к сорока начали мучить не названные никем, не диагностированные болезни. Возможно, они считали эти болезни карой Господней за совершенный в молодости грех: начальства ослушались... Дом подожгли... Крестьяне – люди очень совестливые.

Но как бы ни было: они вместе прожили свои тяжелые жизни, постоянно соединяя нелеченные, не всегда помытые

тела. Грубые могучие тела людей, всю жизнь физически работавших на свежем воздухе. Они не спрыскивались дезодорантом, и не знали никаких одеколонов. Она не брила подмышками и не подмывалась между банями. Они не терли пемзой пятки и никогда не чистили зубов.

Они оба упали бы в обморок, если бы им рассказали про минет. От рассказов про анальный секс оба крестились бы так, словно увидели мерзкий рогатый силуэт.

Эротическое белье? Романтический ужин при свечах? Они бы хохотали до упаду, удивляясь – что только люди от безделья придумывают!

Они прожили жизни людей своей эпохи и своего сословия. Суровую, грубую жизнь. И прожили – вместе. Вместе прошли путь от нищих беглецов до владельцев собственной усадьбы. Неустанным дружным трудом они построили хорошее хозяйство и вырастили нескольких детей.

Если это не любовь, то, что тогда? Любовь созидательна. Где хозяйство и дети – там любовь. Где трупы – там разрушение любви и самой жизни, и тогда это уже никакая не история любви, а история про преступников, «казаки-разбойники»... Если по-научному – детектив.

Или история с трупами – это история, в которой вообще никакой любви отродясь не было, а был грех гордыни, ревность, дурь, блажь и прихоть, а если по-научному – невроз.

...Жаль, если героям повести пришлось бросить нажитое и бежать дальше. Туда, где нет генералов, начальства, поме-

щиков и прочей мешающей жить погани.

Жаль, что я не знаю их потомков. Скорее всего, они живут среди нас, но позабыли предков. А что? Обычные крестьяне, не выдающиеся личности, и даже не сексуально озабоченные помещики. Что же их помнить? Таких уже правнуки забудут.

А как приятно было бы происходить от этой пары! Что не происхожу от Рюрика, никогда не жалел, а вот что не от этих – жалею. Происходил бы – хвастал бы немеряно, всем везде бы рассказывал. И повесил бы парный портрет.

А пьесы мистера Шекспира? Истории про невротиков, которые друг друга режут и травят? Они для прыщавого барина. Для бездельников, вместо занятия делом чешущих жопы, а по научному – анусы.

Смерть

**Олегу Широкому, человеку хорошему и умному,
с глубоким уважением и любовью,
ПОСВЯЩАЕТСЯ.**

— От бандеровцев власовцам — привет! — говорит мой друг Олег Широкий, и поднимает стакан.

— От власовцев бандеровцам! — отвечаю, ударяя своим стаканом о емкость Олега.

Олег только что рассказывал, что в 1939 году НКВД живьем закопало всех гимназистов обоего пола в городе Сам-

боре. Рассказал и с удовольствием слушал, что я говорю об этом на двух языках.

— А по-польски умеете?

Развожу руками, — нет, польского я совсем не знаю. Да и беден этот язык необходимыми выражениями. Странно даже, что для Олега я — львовский поляк, по отцу. Что для эстонцев я немец, — никаких возражений, прибалтийским немцем я себя чувствую частенько. А вот польский отец никогда не воспитывал меня. Он просто мелькнул... Я и не помню его. Был — и не был. Я никакой не поляк.

Олег рассказывает, что его дед шел в украинском ополчении из города Самбора во Львов, но не успел — заболел тифом.

— Еще во время ТОЙ войны...

Я понимаю, про какую войну речь — про войну за Львов 1918 года. Тогда поляки, в основном молодежь — гимназисты, студенты — выбили из города немногочисленные украинские отряды. Людей фатально не хватало: война вымела мужчин из города. В ополчение шли и девушки, брали винтовки. А потом подошли украинские отряды со всей страны. Двести мальчишек и девчонок держались, сдавая улицу за улицей, устилали улицы родного города крестами человеческих тел. Потом подошли сформированные Пилсудским части, убили много украинцев, а остальные отошли, сдали Львов.

Почти все ребята из ополчения погибли, и поляки поста-

вили во Львове памятник «львовским орлятам». Песня же «Орленок» написана была в 1936 году для пьесы Марка Даниеля «Зямка Копач», — на идиш. Это потом ее запели на русском языке, — когда «Зямку Копача» поставили в Театре Моссовета под названием «Хлопчик». Был якобы такой невероятно героический Зямка Копач, и воевал как раз против «белополяков».

Что тут сказать? Коммунисты ловко перехватили «героическое» слово и использовали в своей пропаганде. Но первыми «орлятами» называли свою молодежь поляки. «Львовскими орлятами», которым стоял памятник — живым и погибшим.

Да, я понимаю, о какой войне Олег.

– А твой отец не участвовал в ТОЙ войне?

Нет, мой отец не был среди орлят: перед самой Мировой войной он уехал из Львова в Одессу, учиться на фармацевта. Говорю об этом Олегу... и ловлю его взгляд. Такой взгляд, что как-то сразу ДОХОДИТ.

Действительно. Вот перебегает вдоль каменной львовской улицы украинский парнишка лет шестнадцати-семнадцати, и стоит за баррикадой, ведет стволом его польский сверстник. Они — дети Мировой войны, совершенно обесценившей жизнь. Они видели трупы, стояли в лужах человеческой крови. Оба, наверное, жалели, что маленькие, что не попали на фронт... Тем, кто старше всего на два-три года, повезло!

Кругом — стрельба, по всему городу. Вспыхивает, стиха-

ет, вспыхивает опять грохот винтовочных выстрелов, близких и отдаленных.

– Ура!!!

Они бегут, приближаются, крича и стреляя. Польский мальчик наводит винтовку, задерживает дыхание... И украинский мальчик как бежал – так со всей инерции бега летит кувырком на мостовую. Шестнадцать лет назад отец поднимал его над головой, и малыш смеялся, махал ручками и ножками, готовился жить в огромном, добром для него мире, улыбался этому миру. А вот сейчас он умрет на булыжнике, скребя камни скрюченными пальцами. Выстрелы и матерщина станут последним, что он услышит в своей жизни.

От покойников дети не рождаются. Отца Олега, потом самого Олега станет некому произвести на свет... И кто тогда напишет книгу про антисистемы?! Кто расскажет мне о Самборе и о нравах геологов Камчатки?!

– Неважно, кто кого... — говорю я.

Олег сглатывает и кивает. Неважно... Мы оба понимаем, что неважно.

Вот украинский парнишка припал на колено, поймал в прицеле одну из фигур за баррикадой. Именно эту — случайно, просто надо же в кого-то стрелять. Затаил дыхание... навел... гроыхнуло, чуб отнесло в сторону отдачей. Польский мальчик встал за бревном — так и правда меньше его видно, но винтовка... Винтовочная пуля свободно дырявит насквозь ствол до двадцати сантиметров. Польского маль-

чика дернет — пуля ударит в грудь, и сразу швырнет вперед, выходя из спины. Мальчик осядет, нелепо загребая ногами, громыхнет по булыжнику винтовка. Потянется струйка из полуоткрытого мертвого рта — пробиты легкие. Так и будет тянуться, ползти по камням горячей змейкой, пока не застынет в мертвом теле. Этот мальчик не выучится на врача, уже молодым не встретит мою маму в Киеве. Это значит, что не будет ничего. Никто даже не узнает несостоявшегося.

Олег опустил глаза, он торопливо наливает. Предательски звякает о горлышко стакана бутылка.

— Олег... А хорошо, что моего отца там не было.

— И что мой дед заболел...

Мы не сговариваемся, все ясно. Мы встаем.

— За то, что наши отцы не поубивали друг друга!

— За всех, кто промазал...

Водка не берет, мы почти не чувствуем напитка. Олег тут же разливает по второй.

— Давайте не чокаясь... помянем.

Киваю и от обуревающих чувств даже мычу, взмахиваю рукой. Слов не нахожу, да и зачем?

Глядя друг другу в глаза, мы пьем до дна. Словно вода льется в горло. За всех, кто промахнулся, но по кому не промахнулись. И во Львове, и во время любых других польско-украинских «разборок». За всех, кто стал жертвой идиотских выяснений, кто тут самый главный, кто самый древний, с какой стороны надо креститься, кто тут самый заме-

чательный, и кого больше всех любит Пан Бог.

За мальчиков, сгинувших до того, как у них родились сыновья. За тех, для кого все кончилось, почти не начавшись. Кто ничего не успел, и кого уже почти забыли. За всех, чьи сыновья никогда не будут украшать собой нашу Землю.

Заказ

Сел я писать важную заказную статью. Такую важную, что уехал из квартиры, где живу с женой и детьми в квартиру, населенную только моей мамой и сыном от первого, давно распавшегося брака. Но то-олько набрал на компьютере первые слова – позвонила жена. Не успел я выйти из дому, уехать в свой кабинет, как старшая дочка, трех лет, отняла игрушечного тигра у младшей, годовалой, и вообще вела себя так, что пришлось ее отшлепать, и пообещать, что к родственникам на Кубань мы ее не возьмем.

То есть ясное дело, на Кубань мы ее возьмем, пора ребенку познакомиться с родственниками мамы, числом более дюжины, и от шести до восьмидесяти лет. Само собой, мы ее с собой очень даже возьмем, но нужно же как-то воздействовать на эту противную девчонку! Поговорили мы с женой, обсудили проблему, и расстроился я по настоящему: взять-то возьмем, но в кого только это вредное создание?! Нельзя же ее так часто шлепать и ругать, не нужна мне дочка-невротичка! Особенно сильно расстроился, потому что догады-

ваюсь, в кого пошло это создание...

Ладно, хватит, пора садиться за работу! И тут звонит моя старая гражданская жена, начинает выяснять – собираюсь я что-нибудь сделать для воспитания своего сына или нет?! Он, видите-ли, намазал шоколадом любимую шапку своей учительницы, дернул за хвост овчарку соседа, а на «волге» другого соседа нацарапал гвоздем гадкое слово. Нужен авторитет, а у нее авторитета не хватает.

В свое время подруга сама приложила все усилия, чтобы мой сын называл папой совсем другого дядю, и теперь я, не без мстительных чувств, минут двадцать выяснял отношения.

– А что папочка говорит по этому поводу?

– Ты же знаешь, ему на все плевать! И на сына ему тоже плевать. Сделай что-нибудь, мужик ты или нет?!

– Мужик, да десять лет уже не твой.

– Ладно, я дура, но Сашка-то в чем виноват?!!!

В конце концов, ну что за свинство?! Мало мне бывшей жены, которую я сам бросил, мне еще будет предъявлять претензии это создание, которое само не пожелало за меня выйти замуж! Бросил трубку с чувством справедливого негодования, и отходил с полчаса.

Сел за работу, а тут пришел мой сын из Университета:

– Привет, папа! У нас тут такое происходит!

Люблю, когда Павел приходит из Университета, швыряет портфель и садиться со вкусом пить чай. В кого он по-

шел, у меня тоже есть подозрения. Да и вообще, не могу же я не пообщаться с собственным ребенком?! И вот мы с сыном и его бабушкой с полчаса попили чаю, поговорили о перспективах устроиться в одну фирму и написать другую программу. О Боже, уже почти два часа!

И тут же, как нарочно, звонок: жена не может идти гулять, моя младшая дочь, кажется, затеяла болеть. Ну что ты будешь делать! Только я из дома, как сплошные несчастья: то Поленька вразнос пойдет, то Ульяна заболит!

Переживал с полчаса, сел за компьютер, и опять звонок: моя знакомая из Петербурга. Говорил я ей, уговаривал, что лимон – дело ненадежное, а она мне орала в ответ, что пользоваться долбанными резинками – безобразие, и что если бы я ее любил, не предлагал бы ничего подобного. Ну, и что всякие гормональные – это гнусная выдумка американцев, и кто их использует, у тех рождаются сплошные педерасты. Теперь вот приходится «что-то решать», а решать ужасно не хочется – и нет желания принимать смертоубойные решения, и женщина она очень хорошая; крайне интересно, что получится. А с другой стороны, оба мы люди немолодые, небогатые, и у каждого есть свои дети... Так ничего и не решили, кроме того, что надо встретиться поскорее, договориться не по телефону.

Походил я по кабинету, попинал мебель, сел, наконец, за работу. А тут старший сын позвонил из Москвы: – Папа, я тут жениться собрался...

Мы с ним обсудили этот вопрос, хотя и коротко, насколько позволяли три минуты. Но думал я над этой перспективой, конечно же, гораздо дольше, минут сорок кошке под хвост. Ну вот почти четыре часа, рабочее время ушло, и я уже почти что дед.

Тут я сам позвонил старому другу, который давно уже дед, поговорили мы про то, как это – быть дедом, какие возникают ощущения, и что для этого надо делать. До сих пор, когда мы идем гулять со старшим сыном (двадцать три года) и младшей дочкой (полтора года), обязательно находится идиот, который начинает ворковать:

– Ах, какая у вас милая внученька! Ах, как она похожа на вашего сынка! И сынок как похож на вас! А как внученька похожа на дедушку!

До сих пор я попросту рычал на идиота:

– Это не внученька! Это доченька!!!

Но тут-то скоро гулять и с детьми, и с внуками... Здорово, и особенно здорово, когда человеку нет и пятидесяти! Работать совершенно расхотелось, стало хорошо, тихо на душе, и я долго смотрел на старинную, 1908 года фотографию: пра-прабабушка и весь выводок моих прадедов и прабабок в гостиной той, еще петербургской, квартиры. Вот смотрят на меня они, мои предки, из XIX века, а уже и восьмое поколение приходит в этот мир. Восьмое – с той, почти легендарной женщины, подававшей в Таганроге хлеб-соль Императору Александру I в 1825 году. На сегодня уже ясно, что

работать мне не придется, пес с ним.

Так и осталась недописанной важнейшая статья, ожидаемая в редакциях двух престижных журналов. Статья «О вымирании русского народа в XX столетии».

О величайшей необходимости всех интеллектуалов непрерывно иметь женщин

(чрезвычайно научный трактат)

Нет! Дело совсем не в том, о чем вы подумали, распутные типы и охальники. Вовсе дело не в том, что в России называют мерзким американоидным словом «секс». И стирать носки можно самим, это все ерунда. И готовить. Лично я готовлю лучше, чем обе мои бывшие жены вместе взятые. Женщины необходимы ученым для совершенно иных целей: для умягчения нравов и приобретения правильного отношения к жизни.

Скажем, прочитал я Анюте стихотворение. Такое вот стихотворение, неофициальный гимн студентов-энтомологов. Называется он «Пьяная букашечка».

В саду созрели вишенки, ребята в лес пошли
И пьяную букашечку под кустиком нашли.
Какой-то мальчик хулиган ей лапки оборвал

И пьяную букашечку под кустик закопал.
Когда созрели вишенки и яблочки опять
Ребята снова в лес пошли букашечку искать
Но не найдя букашечки, поймали стрекозу,
А бедный мальчик хулиган повесился в лесу.
Вот он висит, качается на вековой сосне
А пьяная букашечка гниет в сырой земле.

Поют «Пьяную букашечку», или еще когда достают необходимые напитки, или после первой порции. Бывают, конечно, экспедиции, в которых пели ее и после третьей, но это случалось уже редко.

Если поют, еще когда несут напитки, то исполняют эту песенку задорно и весело, подпрыгивая и радуясь жизни. А если поют уже в процессе, то ритмично стучат по столу посудой, и кулаками, в которых зажаты ложки. Поют опять же весело и быстро, раскачиваясь в такт. Иногда в самых драматических местах самые экзальтированные подпрыгивают, или комментируют текст.

Скажем, поют, что

И пьяную букашечку под кустик закопал

И тут кричат: Идиот!! Надо было ее на самогонку!!!

Поют:

Но не найдя букашечки поймали стрекозу

И тут кричат: Пьяную!!! Тоже пьяную! В дупель!

Поют:

А бедный мальчик хулиган повесился в лесу
И тут кричат: А так ему и надо!! Не пей один!

В самой приличной трезвенной экспедиции иногда доставались и ставились на стол напитки: например, на дни рождения или на День энтомолога. В экспедициях с более разнообразными нравами отмечали... ну, скажем, случай покупки новых ботинок или письмо из дому. В таких случаях так и говорили: «прилетела Пьяная букашечка». А если экспедиция не просыхала неделю, или, скажем, повадилась начинать и разливать с 10 часов утра, то говорили: «поселилась Пьяная букашечка».

Вот, скажем, спрашивает шеф, как дела в отдаленном отряде. А ему и объясняют, что ничего, работа движется, да вот только Иванов с Петровым пьяную букашечку отловили. И шеф кивает задумчиво, потому что ему уже все ясно.

Спел я эту песенку Анютке, даже немного поплясал. А у Анютки глаза меняют цвет от серого до зелено-серого, почти что мутно зеленого, как воды французских рек. И стоят в этих глазах – яркие желтые пятнышки, как солнечные зайчики. Сколько на свете не живу, сколько баб не ...перевидал, а таких глаз пока что не встречал ни у кого. Потрясающие глаза.

Вот смотрит на меня Аня этими глазами, раскрывает их

на пол-лица, пятнышки вспыхивают; и говорит Анята грудным таким, вибрирующим тембром:

– Не понравилось.

– Почему?! – Ошарашено кричу.

Анята смотрит, как на дебила-пятиклассника:

– Конец совсем плохой! – Говорит.

Хм... Действительно... повесился... гниет. В энтомологических экспедициях почему то это ничуть не мешало радоваться жизни, но ведь и правда.

– Анята, – Говорю, – А может быть так?

Когда созрели вишенки и яблочки опять

Ребята снова в лес пошли букашечку искать

Но не найдя букашечки, поймали стрекозу,

А бедный мальчик хулиган исправился в лесу.

Он пьяную букашечку обратно раскопал,

И пьяную букашечку счастливо обсосал!!

Анята опять смотрит так, словно это я мерзейшим образом отрываю лапки букашечкам.

– Андрей... Ну вы сами подумайте! Обсасывать мертвую букашечку! Лучше бы он ей лапки приделал, лучше прежних! И букашечка чтобы ожила!

Хм...

– Ну, давай так...

Вот он висит, качается на вековой сосне,
А пьяная букашечка воскресла на Земле!

Анюта думает, глаза у нее темнеют, но все равно она качает головой:

– Пусть лучше мальчик найдет ее, приделает ей красивые ножки, и они все вместе побегут по лесной дорожке

Хм...

– Тогда вот так:

А бедный мальчик хулиган исправился в лесу.

Он пьяную букашечку обратно раскопал,

Приделал ножки новые, и с нею заплясал!

Анюта опять недовольна:

– Не пьяную, а бедную, чего это она пьяная то.

– В том и прелесть букашечки, что она пьяная! – Объясняю Анюте. – Это спиртоносная букашечка!

Анюта задумывается, яркие пятнышки в глазах опять делаются еще ярче.

– Она тогда бы и без ножек может плясать. Но лучше, чтобы мальчик ей ножки приделал. Раз уж такой гад, оторвал, теперь пускай обратно приделает.

– Ну, тогда пускай будет так....

В саду созрели вишенки, ребята в лес пошли

И пьяную букашечку под кустиком нашли.
Какой-то мальчик хулиган ей лапки оборвал
И пьяную букашечку под кустик закопал.
Когда созрели вишенки и яблочки опять
Ребята снова в лес пошли букашечку искать
Но не найдя букашечки, поймали стрекозу,
А глупый мальчик хулиган исправился в лесу.
Он пьяную букашечку обратно раскопал,
Приделал ножки новые, и с нею заплясал!
Букашечка написала ему ведро вина
С исправившимся мальчиком пошла плясать она!

Анюта слушает и медленно кивает.

– Видите? Так намного лучше. Только почему букашечка написала целое ведро вина?

– Так она же спиртоносная, Анюта! Ценнейшее насекомое. Мальчик с ней по хорошему, букашечка ему и налила.

– Целое ведро?! Она же маленькая. Налила бы рюмочку, и хватит...

С моей точки зрения существо, которое доится микроскопическими порциями – это не пьяная букашечка, а сущее недоразумение, но ведь и Анюта права. Букашечка, из которой надоилось ведро, должна быть размером с корову.

Правда, рюмка тут все равно не годится, разве что для самого начала, да она и в размер стиха не ложится. В общем, буду я еще думать, как усовершенствовать гимн студентов-энтомологов про славную пьяную букашечку.

А самое главное, стало окончательно понятно, почему полезны женщины для стареющих интеллектуалов: для душевного здоровья и правильного настроения в жизни. Чтобы даже старые непристойные песни превращались в еще более жизнерадостные.

Очень патриотическая пьянка

Все началось с того, что Дима Верхотуров собрал нескольких своих друзей – отметить выход очередной книжки. Ребята ухитрились поссориться, как именно принимать гостей, потому что сам Дима – живое порождение Средней Сибири, а его жена, напротив, живое порождение земли Московской, представление об обычаях и обрядах у них не всегда совпадает. Конечно, все это мелочи, ругались Дима с Настей недолго, часа два, а потом занимались любовью. Уже долго – чуть не опоздали начать убирать и готовить.

Михаэль Дорфман пришел с женой-украинкой, на два поколения моложе, принес бутылку сливянки градусов под 60, – приохотили родственники жены. Он хлопнул стаканчик сливянки и начал рассказывать, как ловил Ясира Арафата.

Омар Нессар слушал этот рассказ с большим неодобрением, вплоть до места, где Михаэль Ясира Арафата все же поймал, и тут же подружился с ним и его окружением.

– А вы как вообще относитесь к мусульманам?

– К хорошим – прекрасно отношусь.

Это Омару тоже понравилось, и он выпил с Дорфманом сливянки – про сливянку в Коране ничего не написано, там исключительно про вино.

Пан Помяновский тоже дерябнул сливянки, и заверил, что к евреям относится прекрасно. Особенно ему понравилось, как еврейские партизаны лихо «мочили» людей Бандеры, и только под Львовом разнесли три укрепленных лагеря.

– Мы даже сами возмущались, как они этих ребят резали.

Виталий Демьянюк оскорбленно выпрямил спину от этих речей, и забормотал что-то о безобразном вмешательстве в дела родного края всякой там шляхты...

– Друг мой! Так то – русская шляхта! Отменные люди! Храбрые люди! А то – какие-то отвратительные казаки! Уж мы их душили, душили...

– Казаков мы и сами душили...

– Я же и говорю! – Просиял пан Помяновский. – Русская шляхта всегда только и делала, что резала всяких казаков и москалей. Отличные ребята, по вам сразу видно, вы из них!

Виталий с расширенными глазами стал оценивать комплимент и впал в глубокую задумчивость.

В стороне Омар и афганский полковник Абдулла никак не могли понять, что пан Помяновский имеет против казаков, и тихо обсуждали – может, натравить его на кандагарских сепаратистов? А то эти пуштуны совершенно распоясались, да к тому же вопиюще неправильно трактуют положения ислама и неправильно читают Коран.

С ними согласился Игорь Кызласов: читать священные книги у нас совершенно не умеют! Тем более, напрочь забыты важные действия, которые необходимо совершать перед чтением священных книг. Молодежь пошла: даже правильно зарезать черного барана не умеют! Он, городской человек, в прошлом году учил трех шаманов на Уйбате.

Кристоф Дайнингер очень заинтересовался, как именно надо резать черного барана, и почему при этом не надо брызгать кровью позади себя, а только вправо и влево.

Тут раздался замогильный хохот, и из стены вывалились двое. Один в простонародном армяке, с сивой бородищей, а в бородище – клочья соломы, другой – в расстегнутой грязной рубаше, такая же сивая борода торчит клочьями, волосы дыбом, а в руке – огромная оловянная кружка. Жуткий смрад сивухишибанул из этой кружки, и сердце у меня упало: ну конечно! Едва запахло выпивкой, как явился мой дальний предок, Курт Шмидт. Хулиганские наклонности этого призрака хорошо известны всему Таллинну.

Недавно один протестантский поп решил изгнать Курта из Прибалтики. Как он выражался, «пусть убирается, откуда пришел», а то набилось их полную Эстонию. Но дело окончилось плачевно – Шмидт принялся за самого пастора; он регулярно вываливался из стены ровно в полночь с жутким хохотом и большим количеством сивухи. Пока Курт Шмидт рассказывал о левых романах пастора его жене, тот терпел. Но когда развеселый призрак обратился ко всей его пастве,

пастор сам эмигрировал в Германию.

Курт весело заорал, и стал представлять своего спутника: уверял, что это еще один мой предок, Анисим, по другой линии. И жил одновременно с Куртом, совсем недалеко, на Новгородчине. Но пока Курта вешали шведы за кражу нескольких мушкетов (Курт продал их мятежным эстонцам и пропил), этот самый Анисим сам заколол вилами боярина Белецкого, чтобы тот не приставал к его жене. А сам сбежал в Тверскую землю, подальше от разъяренных бояр.

Сережа Белецкий очень заинтересовался этой историей, и стал расспрашивать, когда именно прикончили его предка.

– Ищо един... – Пробормотал Анисим, и потащил из сапога длиннющий ножик.

Дофман навалился на него вместе с полковником Абдуллой, вывернул нож, рассказали, что именно этот боярин очень даже милый и хороший. Пан Помяновский юбилейно улыбался и очень похваливал ножик. Курт Шмидт утробно хохотал, и отхлебывал из своей кружки.

Настя обняла их обоих, расцеловала, уверяла, что оба они замечательные и очень похожи на меня – даже борода такая же набок, и клочьями.

Анисим от ее поцелуев густо покраснел и засмутился, аки красная девица. А Курт Шмидт гадостно оскалился, похабно подмигнул и стал говорить всякие невежливые слова на жаргоне Рёвельских корабельщиков. К сожалению, Настюша поняла и звезданула привидение по морде.

Пришлось объяснить Курту, до какой степени изменились нравы в этом мире. Он куда-то исчез и появился с букетом фиалок.

— Кладбищенские! — Гордо сообщил он, принося Насте извинения.

Настя расцеловала его еще раз, к обоюдному удовольствию.

Пока Курт успокаивал Настю, полковник Абдулла научил Анисима материться, а Кызласов научил полковника Абдулла правильно приносить жертвы духам холмов. Полковник проникся и понял, что как раз из-за этого неумения потерял три вертолета под Кабулом.

Дорфман, Демьянюк и пан Помяновский близко сошлись на общей платформе ненависти к москалям. Настя орала, что она москалька, и других москалей обижать не позволит. Помяновский лбызал ее ручки, объясняя, что Настя — шляхтянка, Демьянюк уверял, что таких девушек нет даже на Львовщине, а Дорфман намекал, что разрез глаз у нее чисто еврейский.

Кызласов чокался с Кристофом и научил его кричать «че!» вместо «прозит!».

Омар Нессар рассказал, как за ним гонялись нехорошие люди на афганской границе, и он прятался от них в старом колодце.

Курт Шмидт не одобрил его поведения, потому что за ним вот тоже на границе с Москвией пытались нехорошо посту-

пить, что-то кричали про контрабанду, но он сам на этих людей обиделся, и начал на них тоже охотиться.

Кристоф кричал, что такие как Курт, позорят Германию, из-за них приличному немцу скоро появиться будет негде.

Курт орал, что в гробу видел эту Германию, он в ней не был ни разу и не собирается, пусть в нее эмигрируют пасторы.

Анисим неумело покрыл матом их обоих: тренировался. Он даже покраснелся от усилий, и был счастлив, как маленький ребенок.

Белецкий рассказывал нам с Димой анекдот за анекдотом, и был почти так же счастлив, как Анисим.

В общем, вечер удался. Только уже под утро появился такой маленький, скуластый и смуглый, осмотрел всех и задумчиво произнес: «Перкелё»...

– Не смей поминать при мне черта! Я приличное, богобоязненное привидение! – По-русски заорал Курт Шмидт.

– Все вы тут привидения... – Задумчиво и горько произнес этот маленький и смуглый, – Все вы родились после меня через тысячу лет, и все вы про меня давно забыли.

Пришлось налить старому финну все, что оставалось на столе, а он рассказывал, как гнали самогон из козьей мочи, и чего при этом ни в коем случае делать нельзя: смешивать первач с еще не перебродившей мочой.

Омар очень удивлялся, потому что закусывать моченым кизяком ему доводилось, а вот что можно перегонять козью

мочу, он не знал. Курт Шмидт очень заинтересовался, потому что единственный знакомый ему и притом похожий продукт на самогонку было дерьмо шведского капрала.

Тут Абдулла вместе с Дембянюком грянули старую песню про «пулемет стрэкоче, москалей кладэ», Кызласов с Димой запели неприличную экспедиционную песню, а Дорфман – марш Израильских ВВС. Я затыкнул «Хорста Веселя», Кристоф мученически застонал и бросил на меня укоризненный взгляд. Ладно, спою «Лили Марлен», честную солдатскую песню.

А знаете, что мне в этой компании больше всего понравилось? А что это все такое свое, русское! Что все здесь – свои, до боли знакомые и родные. Без каждого из участников этой очень патриотической пьянки без следа исчезнет что-то важное для всей нашей громадной, всеми нами любимой России.

Чернотроп

Странно, как изменяется знакомая местность от каких-то вроде бы пустяков, даже знакомый до каждой кочки остров Татышева. Шесть часов утра, город сонно возится, пытается начинать жить. Снега нет, очень холодно и промозгло. Ледяная черная земля, силуэты голых деревьев, черные провалы между ними. За переломами местности – черные невнятные дыры, непонятные пространства, где земля никак не отделе-

на от черного неба. Мерцающие звезды, которые не я первый назвал «волчьими». Холодные зимние звезды.

Такую погоду охотники называют «чернотропом». По следам не найдешь никого, звери бродят, не чуя опасности. Но лося брать – только с собаками, иначе его не догонишь. Два года назад брали такого... европейского недомерка. Взрослый сильный зверь, а по размерам – с подростка сибирского.

Все время в воздухе – шорох и треск. Это звуки тоже холодные, зимние. Я знаю, что это трещит. Спускаюсь к воде. На Енисее бегут по этой воде световые дорожки, в заливишке нет света совсем. Вон треснул лед слева, у заберегов, на границе черной, страшной воды заводи. Вот шорох, где взялся лед. И все равно это шорох тревожный, словно кто-то громадный подкрадывается, внимательно смотрит в спину. Не надо давать волю неврастении, но я остро чувствую время, когда словно оживает древний германский фольклор.

Когда-то другой человек выходил из дома в такое же время суток: сделать часть пути еще в темноте, до позднего зимнего рассвета. Выходил, шел по еле заметной тропке, поправлял за спиной бронзовый меч. Слушая шорох, подумывал о троллях, смотрел на мерцающие с неба глаза Локки. Человек, чья кровь во мне, память которого живет в извилинах моего мозга, знал – бояться нельзя, но боялся. Ему было труднее – он шел по земле, которую делили с человеком многие существа. Не только Локки и тролли: человек усту-

пал дорогу, заслышав сиплое мычание зубра. Слушал дальний вой волков и отвечал, беседуя с серыми братьями.

Я тоже знаю, что бояться нечего... и вообще я нахожусь посреди громадного города. Опасность – только игра, сонный бред, проснувшийся в подсознании. Я чту братьев германца, волков, но чтобы послушать волков, надо забираться за сотни верст от Красноярска. Меня приводит в трепет косматый дремучий вид зубра, его запах. Но зубры сидят по заповедникам. Локки и тролли? На мне повешенный матерью крест.

И все равно мне жутко у черной промозглой воды, от этого потрескивания, шепота. Недобрая темнота стынет вокруг, не принимает человека. Приходится помотать головой, поднимаясь к насыпи дороги.

Звезды гаснут

Вчера в половине седьмого начали гаснуть звезды. Вышел – мерцают, мерцают. А когда шел обратно, звезды начали гаснуть. Я понимаю, что происходит – ползут тучи. А все равно тревожное, отдающее Босхом ощущение – гаснет небо. Рагнаради. Гибель богов. Конец света. Тучи низко спустились, гасят звуки. В тишине, в предутреннем шорохе инея, гаснут звезды.

Разумный всегда готов ко всему. А, правда, что буду делать, если вот сейчас – Конец Света? Невольно улыбаюсь.

И вдруг накатывает благодарность. Стою в шорохе, в свете гаснущих звезд, в наползании мрака. Страха нет, есть благодарность и принятие.

Сейчас уходить из мира? Вот сейчас?

Хм...

Если верить легенде, некий сакс хотел вернуться в Англию, убить как можно больше норманнов, «и пусть меня рубят на куски». Потому что этого сакса «догонят в мудрости» те, что «стал рабом там, где родился господином».

Но я то стал господином там, где родился рабом.

Меня воспитали маменькиным сынком, место которого – доживать чужие судьбы, пусть судьбы предков.

Судьба и собственные кости хрустели, но я – самый известный за всю историю семьи.

Я пришел в жизнь чеховской барынькой в теле молодого мужчины. С чудовищной беспощадностью меня учили только одному – заламывать руки и переживать, переживать, переживать...

Я сделал из себя мужчину – сам. Женщины, которая мне помогла бы, Господь мне не подарил. Я не раз плакал и кричал: за что мне это?! А Ты знал, Господи, и был Ты, как всегда, прав – не надо было. Помоги мне когда-то, молодому, первая бывшая жена, помоги дама, которую я бешено любил – я бы иначе стоял в этом колышущемся мраке.

Меня воспитали невропатом, культивирующем симптомы неврастения.

Я сам себя сделал, какой есть.

Красная сволочь засунула меня на окраину мира, в жопу цивилизации.

Я сам уехал в один из ведущих городов Европы.

В этой жопе мира моя судьба была судьбой изгоя. Обо мне не раз говорили в жопе мира – из этого то ничего не получится. Так и сдохнет, подающим надежды.

Я сам себя сделал человеком, стирающим усмешки с морд провинциальных неудачников.

Я пришел в мир глубоко средним советским интеллигентом.

Я живу жизнью своего города, своей цивилизации, своего сословия.

Что, если сейчас... вот сейчас страшный удар обрушит меня, мрак охватит, и я рухну в бездну, в круговорот камней, деревьев, воды и воздуха? Если мир придет в состояние хаоса, из которого Он начнет создавать новый мир?

В старой притче фарисей гордился, что Господь создал его таким совершенным, а мытарь только и мог сказать: «Господи, помилуй меня грешного!»

Опускаюсь на левое колено. Так стоит вассал перед сюзереном, сын перед предком, кавалер перед дамой; так католик встает перед храмом. Я не упаду ниц даже перед лицом Необорного. Ты сам таким сделал меня Господи, мой Творец и Отец мой Небесный.

«Помилуй меня грешного?» Да. Я весь в грехах, и все они

гнусные, гаденькие, мелкие. Противно даже. Прости меня, Боже, и помилуй.

Но и – спасибо. Спасибо за судьбу, которую Ты подарил, а я прожил. За все, что было до того, как в предутреннем небе начали навсегда гаснуть звезды.

Будет страшно и больно?

Надо постараться не кричать.

Белотроп

Падает снег... Падает, падает, падает. Нет черной земли. Нет черных голых деревьев. И вода в Енисее стала медленней – от мороза вода становится более вязкой. Шорох... уже не шорох звезд, а шорох падающего снега – такой знакомый, родной, уютный. Во всех странах, которые я смогу считать своими, зимами падает снег. Падает снег, шорох снега, хруст свежего снега под ногами, вся земля белая: это зима. Это Рождество и Новый Год. Это светлая ночь, когда снег тысячекратно отражает свет и рано вставших звезд, и всех созданных человеком огней. Это ощущение праздника... космического праздника великого годового обновления, под зимним Млечным путем, с одним длинным концом.

Идем по Татышеву: иду между двух громадных молодых мужиков, но голову меня выше, и каждый – раза в два физически сильнее. А идем на равных. До сих пор не привык к ощущению, пришедшему «после диабета»: что мне

легко двигаться. А мне легко! Одышки нет, только приятное напряжение. Я иду и иду сквозь падающий снег, слушаю Васю и Тимура – друзей и учеников. Отстаю, чтобы посмотреть на медленную воду, на засыпанный снегом кустарник... снег стекает по лицу, слеживается на шапке, на плечах. Течет и по спине, по бокам: вспотел, приятное утомление. Сколько мы отмахали в тяжелой зимней одежде? Километров семь, не меньше. Рассветет еще не скоро, но все равно – какие-то неуловимые, не описуемые признаки рассвета... не в состоянии сказать, почему – но чувствуется: за полтора часа утра стало менее ранним. Хотя звезд не видно, небо низкое и мрак даже не думает редеть.

В такую погоду хорошо идти на лося с подхода. Шорох снега, не слышит он ничего. Хотя и человек не слышит, а сквозь снег и видно скверно. Помню, чуть не наступил на здоровенного кабана, кило на двести. Оба несколько огорчились, обнаружив друг друга метрах в пяти. Но кабан огорчился сильнее – истерически захрюкал, и кинулся с такой скоростью, кидаясь в разные стороны, что я в потоках снега не успел его выцелить. Так и мчался – уже не виден, а басовитое хрюканье слышно.

Снег... Сегодня мороз не сильный, снег влажный и вязкий, как в Европе. Это в Сибири, где сухо, и где бывает по неделе минус тридцать, снег иногда похож на дробинки: твердый, хоть в гильзу засыпай. Почти что мелкий такой, мягкий град. А вот сейчас снег такой, как в Прибалтике,

в Германии, в Средней полосе России.

Белым-бело, свежий снег, еще не испачканный ничем, не слежавшийся, рыхлый и пушистый. Веселый влажный снег не устает падать и падать, празднично хрустит под ногами. Зимняя сказка. Сильное, радостное, полное ощущение праздника.

Самая короткая ночь в году

Это озеро я знаю с 1960-х. На его берегу, на даче дяди Шуры, я провел почти все лето 1970 года. Тогда тут был стационар Ботанического института Академии наук, и дядя приезжал сюда на казенную дачу. Вся дача академика и директора была – два комнатки в похожем на барак, низком домике постройки 1950-х, сырые и низкие. «Позднее советское баракко».

Но с этими четырьмя месяцами много чего связано. И дальние прогулки в лесу и озеро, и (конечно же!) отличная библиотека стационара. И открытие таких сторон истории, о которых старшие не говорили, а если говорили – то вполнамека. Например, в этот год я узнал, почему на Карельском перешейке лес такой странный: среди вековых сосен все время попадаются правильные четырехугольники молодого леса? И в каждом таком прямоугольнике молодого леса непременно есть каменная, бетонная или кирпичная руина. Почему? Я узнал, почему. Спустя десять лет я впервые взял в ру-

ки маленького Женю. Своего первенца. И меня передернуло, потому что головка младенца легла в левую ладонь точно так же, как маленький такой череп из дальнего карельского болота.

Но и эта жуть не оттолкнула от Озера. И от Карелии в целом. Даже странно, как много россиян тянет в эти места, как их любят, как престижно стало покупать здесь дачи. Странно, потому что ни экологически, ни географически это уже не Россия. Когда машина проезжает по Калининскому району Петербурга на север, четко видно: местность вдруг начинает подниматься. Длинная, в километры, линия подъема... Это начался Карельский щит – это уже не Русская равнина, это уже пошла Скандинавия!

Тут мир озер, соединенных узкими бурными протоками, мир сосен, бедных почв, покрытых мхом валунов, удивительно яркого синего неба. Тут еще дольше закаты, еще белее светлые ночи июня. Финляндия... Край, куда пришли скандинавы, еще до славян. Улыбаюсь мысли, что в 8—9 веках мои немецкие предки могли понимать их без переводчика: языки были уже разные, но далеко не разошлись.

Потому, наверное, и тянет в эти места россиян – много в нас и финно-угорской и германской крови. Как говорит один мой друг – «Россия тоже прибалтийская страна, только очень длинная».

Я еду сюда не случайно – хочу провести на Озере самую короткую в году ночь. Своего рода ритуал...

Стационар Академии вроде бы еще есть, но из-за него идет тяжба. Пыльные скучные болваны из Академии никак не могут смириться с актом прихватизации большого куска земли. Чем больше дорожает здесь земля – тем активнее не могут смириться. А внук крупного ученого и предприниматель Сергей Самбук все никак не может оформить в собственность эти 66 гектаров. Так и висят.

Инфраструктура теперь тут совсем другая, чем была в годы моего детства и юности. То были деревни, сельское хозяйство, крик петухов по утрам, телки паслись в лесу. По озеру ходил катер, между деревень бегал автобус.

Теперь сельское хозяйство совсем другое; люди ушли, оставляя в деревне или стариков, или совсем уж никчемных личностей. Часть домов стали дачами, своего рода крестьянскими родовыми гнездами – сюда собираются дети и внуки, постоянно живут только вышедшие на пенсию, а «старикам» «подкидывают» внуков на лето. Катер давно не ходит, обветшала скрипучая пристань. Она и в 1970 поросла мхом и начала разваливаться, теперь над водой возвышаются в основном сваи, скрепленные бревнами, какие-то полугнилые доски торчат под углом.

Автобусы не ходят – не нужны. У всех машины, а у кого нет, за 100, от силы за 200 рублей доезжает до нужного места от автобусной остановки или от станции. Не сельская жизнь, пригородная. Дачи, загородные дома...

Братец, сын дяди Шуры, работает у Самбука. В чудовищ-

но заросшей грязью каптерке братца слушаю скучный поток жалоб на Самбуков – вечно чего-то требуют, гады. Спускаюсь к дому Сергея, пропускаю рюмашку уже с ним, слушаю поток таких же скучных жалоб на Алешку: ничего не делает. Трудно ему, живя на даче, получая зарплату ни за что, скосить траву и покормить собак!? Жалобы то жалобами, а понять Самбука мне не трудно. С чувством жму руку Сергею, искренне благодарю за поддержку братца, пустившегося в новый круг своего извечного бичовства.

А от сосен – терпкий, очень любимый мной запах, строгий и сильный. Накатывает ветер из лесу, несет запахи нагретых солнцем трав. Накатывает с озера ветер, несет запах влаги, особенную смесь испарившейся пресной воды. Надо всем – синее небо с пухлыми белыми облачками.

Вечер и ночь... Лес стоит тихий, ни ветерка. Серый сумрак, видно далеко. В такие ночи хорошо идти одному по лесной дороге, вдыхая запах трав и деревьев, принимая прямо в душу что-то особенное... Какой то не сравнимый ни с чем аромат Севера. Почему-то он приходит ночью, вместе с рваным полетом белого мотылька, с шорохом в папоротниках – наверное, так крадется ёж. Благоговейная тишина, мир превратился в храм, и ты допущен в него.

Все гаснет, и никак не может до конца погаснуть громадный северный закат. В градусах – верная треть окружности охвачена светом, все оттенки желтого и красного. Описать эти краски все равно невозможно, да они к тому же все вре-

меняются. Палевые, нежные, северные.

Спускаюсь к бане Самбука: тут устроен удобный спуск к воде, со ступеньками между валунов. Спуск начинается у деревянной же площадки под навесом, примыкающей к бане, со столами и креслами. Сiju. Отражается небо в воде. Ни ветерка. Озеро еле задевает валуны: даже не рябь, а скорее дыхание Озера. Единственные огоньки – за Озером, где туристская база, километрах в шести. Далеко в поселке лениво взбрехнула собака. Зудит одинокий комар. Громадная золотая луна, полнолуние... От нее – мерцающая дорожка по воде, тоже золотая и багровая. Тридцать восемь лет назад, в 1975, над этим Озером я писал:

Лунная дорожка пролегла,
К счастью несомненная дорога.

Забавно. Тогда казалось – счастье непременно состоится. Оно не произошло никогда, и уже ясно – не будет. А дорожка... вот она, золотистая, зыбкая, с размытыми неясными краями! Та самая, в точности, как бежала ко мне по волночкам тогда, в юности. Мани, лунная дорожка, новое поколение. Мани, Луна, моих сыновей и дочерей. Делай свое доброе старое дело – хоть у кого-нибудь счастье да состоится. И валуны те же. И лес. Мир, конечно, изменился за треть века. Но я изменился куда больше.

Второй час ночи. Прохладно – север, север... Жарко было днем, а ночи прохладные, ясные. Луна встала выше, делается

серебряной, и дорожка от нее – из серебра. И закат стал ниже и темнее. Скоро останется только полоска, светлый краешек неба за Озером. Так и будет стоять, пока к четырем часам не поднимется новая заря.

Жаль, у меня нет тех эмоций, с которыми я треть века назад, молодым, сидел на берегу Озера, смотрел на такую же луну. Есть такие... умеренные переживания, нет половодья чувств. Взгляд прохладный, спокойный, сухой.

Вот ты и похолодел...

Наверное, необратимо.

Ты сам же этого хотел,

Так что затосковал, родимый?

Это писалось года три назад. Тоже на Озере. С тех пор я перестал тосковать по угасшей внутренней жизни. «Гуннар оперся на копье... А что поделать? Ноги то все равно уже нет».

В который раз за последние годы, поднимаю лицо к мерцающему небу в разводах посеревших облаков, к смутному небу белой ночи:

– Спасибо, Господи!

За что спасибо? А за все. За здоровье – в «почти шестьдесят» бодр и активен. За мои два выводка детей, здоровых и умных. За то, что мама ушла из мира поздно, в 87 лет. За сделанную карьеру. За мою известность. За слово, сказанное в науке... и которое я продолжаю говорить. Спасибо

за состоявшуюся жизнь.

Если братец даст доверенность сыну, мы с Сашкой прихватизируем кусок земли... И тогда я построю тут дом. А сейчас я еще прогуляюсь. Я пройду мимо дома, где жил на даче сорок лет назад. Мимо бревенчатого здания, где тогда была библиотека, от которого вела тропинка к причалу. Я постою у развалин причала и вспомню, как в сильный ветер бились об него волны Озера. Как я, четырнадцатилетний, смотрел на волны и ловил лицом пену, которую ветер срывал с волн. Я пройду мимо кладбища, где лежит мой дурной племянник, неудачливый рэкетир Ванька. Я еще постою под соснами в прохладном сумраке самой короткой в году ночи. И пойду спать. Завтра ночь уже станет короче на какую то ничтожную часть суток.

Эссе 2010

Через Европу

В Финляндии лежит снег, свистит ледяной ветер. Минус пять. Финны кутаются в шубы, им страшно холодно. Самолет поднимается, и видно, что в Балтийском море плавают льдины. Их немного, но они все-таки есть. Потом под крылом самолета пошел берег. Зеленый такой, и при том низменный. Зелень на нем сменяется проплешинами снега. Очень скоро опять берег, мелководье, и на нем – то ледяные поля – с воздуха прикинуть, по нескольку сот метров каждое, то серая вода, под которой хорошо видны отмели и вообще рельеф дна. Светлая такая вода, вряд ли глубже нескольких метров. Ага! Это мы пролетели «ножку» полуострова Ютландия.

Вода, вода. Отмели... Суша подходит близко к поверхности воды, но никогда не поднимается наружу. Когда-то, в конце Великого оледенения воды хлынули на эти земли. Все, кто не успел бежать на юг, кого окружила и не выпустила вода, утонул. Не только люди, множество животных тут погибло. В этих местах нашли и челюсть саблезубого гомотериума. Здоровенная была кошка, почти с тигра, и с клыками примерно в 10 см в верхней челюсти. Не как у махай-

рода, который и закрыть челюстей не мог, но все же в 2 раза длинней львиных.

Самолет ложиться на крыло, пошел берег, повыше и прочнее прежнего. Холмы... Холмы все выше, и без малейших признаков снега. Снега нет вообще! Вершины холмов заметно ближе к самолету, но и они покрыты лесами. По большей части лес черный, лиственный. Редко мелькают колки зеленых сосняков. Между холмами – дороги, аккуратные четырехугольники полей и садов, домики вдоль дорог, городки, и среди городков — высокие красивые соборы. Это уже Франция, Арденны. Бельгия Люка к северу, Германия — к северу и востоку. Речки, маленькие и какие-то тоже аккуратные, сильно петляют среди холмов. Никаких признаков снега! И солнце стоит высоко: это же юг, 48-я параллель. Со всем другая страна, экологическая зона, другая часть нашей праматери-Европы.

Дом

Много, что тут и похоже, и не похоже на привычное. Метро? Ага. Только никаких подземных дворцов все очень просто и функционально. Есть RER – такая электричка, которая едет то в туннеле, то по верху. Есть метро как таковое. Оно редко выходит наверх. Вагоны в метро – на резиновом ходу. И туннели сделаны сразу для двух путей. Встречный поезд едет параллельно твоему, останавливается так, что на него

не пересядешь, так что надо внимательно смотреть, в какую сторону садишься: чтобы поехать в обратную сторону надо будет выйти из метро и сесть снова.

Но и шум меньше — ведь туннель намного шире, в нем звук резонирует не так сильно.

Но еще интереснее дом, где живет Женя. В нем есть консьержка, как в романах Сименона! Огромная рыжая баба, и ей надо сказать, если она вылетит из своей каптерки — «Бонжур, Звета». Именно Звета, потому что она — не какая-нибудь русская Света, а сербская Звета.

И лестница на второй этаж: кривая, изогнутая, почти что винтовая. Место люди экономят. И номеров квартир нет. Действительно — что же это?! Что за привычка, переводить людей на номера?! Квартиры обозначаются латинскими буквами: А, В, D, E, F. У Жени над дверью — литера F. В других домах вообще нет ни номеров, ни литер, там только фамилии владельцев квартир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.